
К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ПИСАТЕЛЯ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОГОЛЯ

Николай Васильевич Гоголь

ПТИЦА ТРОЙКА *

...Так проводили жизнь два обитателя мирного уголка, которые неожиданно, как из окошка, выглянули в конце нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвечать скромно на обвиненье со стороны некоторых горячих патриотов, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философией или приращениями на счет сумм нежно любимого ими отечества, думающих не о том, чтобы не делать дурного, а о том, чтобы только не говорили, что они делают дурное. Но нет, не патриотизм и не первое чувство суть причины обвинений, другое скрывается под ними. К чему таить слово? Кто же, как не автор, должен сказать святую правду? Вы боитесь глубоко устремленного взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокий взор, вы любите скользнуть по всему недумаящими глазами. Вы посмеетесь даже от души над Чичиковым, может быть даже похвалите автора, скажете: «Однако ж кое-что он ловко подметил, должен быть веселого нрава человек!» И после таких слов с удвоившеюся гордостью обратитесь к себе, самодовольная улыбка покажется на лице вашем, и вы прибавите: «А ведь должно согласиться, престранные и пресмешные бывают люди в некоторых провинциях, да и подлецы притом немалые!» А кто из вас, полный христианского смиренья, не гласно, а в тишине, один, в минуты уединенных бесед с самим собой, углубит вовнутрь собственной души сей тяжелый запрос: «А нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?» Да, как бы не так! А вот пройди в это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имеющий чин ни слишком большой, ни слишком малый, он в ту же минуту толкнет под руку своего соседа и скажет ему, чуть не фыркнув от смеха: «Смотри, смотри, вон Чичиков, Чичиков пошел!» И потом, как ребенок, позабыв всякое приличие, должное званию и летам, побежит за ним вдогонку, поддразнивая сзади и приговаривая: «Чичиков! Чичиков! Чичиков!» Но мы стали говорить довольно громко, позабыв, что герой наш, спавший во все время рассказа его повести, уже проснулся и легко может услышать так часто повторяемую свою фамилию. Он же человек обидчивый и недоволен, если о нем изъясняются неуважительно. Читателю споллагоря. рассердится ли на него Чичиков или нет, но до автора, то он ни в каком случае не должен ссориться с своим героем: еще не мало пути и дороги придется им пройти вдвоем рука в руку; две большие части впереди — это не безделица.

* Печатается по изданию: Гоголь Н. В. Мертвые души / Сочинения в 2-х томах. Т. 2.— М.: «Художественная литература», 1965.— С. 486–488.

— Эхе-хе! что ж ты? — сказал Чичиков Селифану,— ты?

— Что? — сказал Селифан медленным голосом.

— Как что? Гусь ты! как ты едешь? Ну же, потрогивай!

И в самом деле, Селифан давно уже ехал зажмуря глаза, изредка только потряхивая вприсонках вожжами по бокам дремавших тоже лошадей; а с Петрушки уже давно невесть в каком месте слетел картуз, и он сам, опрокинувшись назад, уткнул свою голову в колено Чичикову, так что тот должен был дать ей щелчка. Селифан приободрился и, отшлепавши несколько раз по спине чубарого, после чего тот пустился рысцой, да помахнувши сверху кнутом на всех, примолвил тонким певучим голоском: «Не бойся!» Лошадки расшевелились и понесли, как пух, легонькую бричку. Селифан только помахивал да покрикивал: «Эх! эх! эх!» — плавно подсакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз. Чичиков только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушке, ибо любил быструю езду. И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «черт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток, летит с обеих сторон лес с темными строями елей и сосен, с топорным стуком и вороньим криком, летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль, и что-то страшное заключено в сем быстром мельканье, где не успевает означиться пропадающий предмет, — только небо над головою, да легкие тучи, да продирающийся месяц одни кажутся недвижны. Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал? знать, у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем-гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи. И не хитрый, кажись, дорожный снаряд, не железным схвачен винтом, а наскоро живьем с одним топором да долотом снарядил и собрал тебя ярославский расторопный мужик. Не в немецких ботфортах ямщик: борода да рукавицы, и сидит черт знает на чем; а привстал, да замахнулся, да затянул песню — кони вихрем, спицы в колесах смешались в один гладкий круг, только дрогнула дорога, да вскрикнул в испуге остановившийся пешеход — и вон она понеслась, понеслась, понеслась!.. И вон уже видно вдали, как что-то пылит и сверлит воздух.

Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымитесь под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный божьим чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? что значит это наводящее ужас движение? и что за неведомая сила заключена в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке? Заслышали с вышины знакомую песню, дружно и разом напрягли медные груди и, почти не тронув копытами земли, превратились в одни вытянутые линии, летящие по воздуху, и мчится вся вдохновенная богом!.. Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земли, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства.

1842 г.

**КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
ГОГОЛЬ И САМООСОЗНАНИЕ РУССКОЙ НАЦИИ**
(С некоторыми современными параллелями)

Николай Васильевич — один из тех русских писателей, чья жизнь, труды и мировоззрение еще при его жизни стали предметом активного обсуждения в литературоведении и литературной публицистике. Что уж тут говорить о последующих полутора веках! Казалось бы, что не осталось при таком «микроскопическом» исследовании ни единого аспекта его творчества, который не был бы вынесен на суд читающей и размышляющей общественности.

Ан нет; как нам представляется, как-то упустили они существенный момент в мировоззрении и направленности творчества «второго после Пушкина» классика отечественной литературы, а именно: роль Гоголя, как впервые раскрывшего в своих художественных и публицистических, включая религиозные, произведениях тему *самоосознания* русского народа, русской нации.

...Чтобы читатель не соскучился за сухим изложением-обоснованием, позволим себе небольшой экскурс личностного характера: как эта тема появилась на свет.

Где-то за год до Московской олимпиады, во время весенней сессии заочников Литинститута им. А. М. Горького, которому, кстати, в декабре прошлого, 2008-го, года «стукнуло» 75 лет, вышли мы небольшой группкой после лекций из «дома Герцена» на Тверском бульваре, 25. Мы — это сдружившаяся еще с первого курса Саша Пытько из Молодечно, «хохол» Витя Гриваков из-под Харькова, из города Змиева, который только-только переименовали в Готвальдов, и «мужик-вячкий» Виталий Игитов. Где-то они сейчас, проживающие в трех царствах-государствах? Чем живут, что творят...

Где-то на траверсе тогдашнего магазина «Армения» нас окликнул из окошка при-тормозившей «волги», если не изменяет память, наш преподаватель Владимир Сминов, ныне зав. кафедрой новейшей русской литературы, а тогда ассистент, моложе нас, матерых тридцатилетних заочников, внешне имиджевавший под молодого же Евтушенку...

— Ребята! Есть один лишний билет в театр на Таганке на дневной спектакль. Садитесь кто-нибудь и поехали. Давай, а то и так опаздываем.

К крайнему изумлению нашего преподавателя, мы, не раздумывая, отказались. Тот же сожалеюще посмотрел на нас, обреченно махнув рукой. Дескать, отказаться от такого театра! Любимов, Высоцкий! Да любой москвич-интеллигент спит и видит: как умудриться достать билет на Таганку? Но мы-то как раз и не были теми москвичами, уже тогда захваченными круговой порукой «тусовки»: обязательно ходить на Таганку, умеренно диссидентствовать и лучшим подарком себе на день рождения считать... пустую бутылку из-под кока-колы (последнее из телевизионных воспоминаний одного известного актера). Были мы уже и жизненным опытом несколько обременены, почти все уже имели высшее образование, не делали себе кумиров — того же Владимира Семеновича оценивали достаточно объективно.* Словом, в «тусовку» интеллигентскую не стремились. Вот поехать в выходной день в Сергиев Посад, тогда Загорск, где я, еще учась в Тульском политехническом институте, три месяца провел на преддипломной практике на оптико-механическом заводе, — это предложение принималось с удовольствием.

А тут — Таганка, Любимов, Высоцкий... При всем их пиетете. Да и компанию разбивать не хотелось. И еще нам показалось, что преподаватель, обреченно махнув рукой, вроде как добавил: «Все равно ведь в пивную идете!» Слова эти мигом сыграли роль катализатора. И без того робкое намерение пересечь улицу Горького, сесть у ки-

* См. литературоведческое исследование Николая Боева (г. Узловая) «Плач по Высоцкому», опубликованное в нашем журнале: «ПЗ» №№ 3, 4/2008.

нотеатра «Россия» на третий номер троллейбуса, доехать до знаменитого литинститутского общежития и, не уставляя сегодня стол в нашей комнате батареей портвешка ординарного, готовиться к послезавтрашнему экзамену,— все это улетучилось. Улицу-то имени основателя Союза писателей СССР, в который все мы со временем вступили, мы перешли по подземному переходу, но, оставив памятник Пушкину и «Россию» слева, а памятник Юрию Долгорукому справа, почти автоматически дошли до знаменитейшей подвальной пивной «Серебряная ладья» на Пушкинской. Студенты Литинститута в те годы вполне справедливо полагали ее неформальным учебным корпусом своего вуза.

* * *

Еще раз просим извинения у читателя: это не мемуарные воспоминания, но развернутое введение в тему настоящего очерка. Все мы были под впечатлением только что прослушанной лекции по курсу русской литературы XIX века: блестящий преподаватель (человек хороший, фамилию называть не буду), четкая логика изложения, энциклопедическое знание предмета... И классический прием лектора, чтобы держать аудиторию в постоянной заинтересованности: интермеццо в форме исторических анекдотов, неписанных житейских историй. Вот и наш доцент на правах очевидца рассказал о вскрытии могилы Гоголя. Было такое поветрие в 30-х годах: любопытствовали ученые мужи, ученый и скульптор Герасимов реконструировал по черепам лица знаменитых покойников, еще что-то уточняли и узнавали. Добрались и до Тамерлана — вскрыли гробницу, а через несколько часов, точно в соответствии с историческом заклатьем могилы Хромого Тимура, началась Великая Отечественная война. Даже сугубый материалист Сталин накануне Сталинградской битвы распорядился вновь вернуть кости Тамерлана в его могилу. Все же не зря он учился в Горькой духовной семинарии вместе с самим великим мистиком XX века Гурджиевым...

Но Гоголя, кажется, просто перезахоранивали, однако, гроб открыли: интересовались, перевернулся ли он, как гласит предание, после захоронения в летаргическом сне? И вот здесь добрейший наш преподаватель с восторгом в лице, голосе и жестах стал рассказывать, как приглашенные на эксгумацию видные писатели начали хватать «на память» различные артефакты из одежды великого писателя. Особо повезло советскому классику Лидину: ему достался размером с ладонь кусок позеленевшей кожи — голенища сапога. И Лидин вмонтировал — не сам, конечно, а искусный переплетчик — этот лоскут в переплет томика Гоголя прижизненного издания. Этой книжкой он очень гордился и демонстрировал гостям своего дома...

Конечно, будь мы стандартными московскими интеллигентами-обывателями, так тоже вместе с добрейшим нашим преподавателем порадовались бы за маститого классика; но... мы были сугубыми провинциалами, отягченными предрассудками, в том числе и от традиций православного христианства, хотя бы и некрещеные. И выйдя за ворота Литинститута, самый импульсивный из нас Виталька Игитов (не зря он в бурно-политические 90-е годы стал воеводой партии Жириновского по Кировской области...) завозмущался: «И чего радуются? Да это самое паскудное дело — с останков покойного одежду и сапоги срывать! Правильно Владимир Ильич, будь он не к ночи помянут, назвал русскую интеллигенцию гнилой и так далее...»

Раз разговор свернул на Гоголя, то он и продолжился в «Серебряной ладье» с ее раскрепощающей обстановкой. Харьковский «хохол» Гриваков, мужик обстоятельный, тем более по профессии железнодорожник, много поработавший на подвижном составе, а все паровозники-тепловозники склонны к философскому восприятию жизни, еще подначил: дескать, украинские националисты напрочь отрекаются от Гоголя, не считают его своим, но московским сочинителем... Но вот прошла четверть века — и Николая Васильевича на современной Украине (не «в Украине», что нарушает всю грамматику русского языка!) очень даже зауважали, считают литературной гордо-

стью самостийно-незалежной и по-новому переводят его произведении на мову. Но что удивительно: слово «русский» переводят как «козак», человек неопределенной национальности. Как-то невнятно говорится в новых переводах о врагах исторической Украины-Малороссии: и не поляки, и не турки... а кто? И получается, что «козаки» Тараса Бульбы всю жизнь с кем-то воевали, но с кем? — Из переводного текста неясно; прямо-таки виртуальные враги, это как в современной компьютерно-интернетской субкультуре.

...Но тогда до этого было еще далеко, поэтому, посмеявшись на слова Вити Гривакова, перешли к более высоким материям. Обстановка опять же располагала. И договорились до сакраментального: так в чем же непреходящее значение Гоголя для русской литературы? И как-то складно вышло, что творчество Николая Васильевича и самоосознание русского народа, как нации, как некоей *самости* в среде других народов и наций, есть факторы неразрывные.

И на ночь глядя, уже в общежитии, под портвешек все ординарный, тема эта продолжала развиваться. Подключились к ней заинтересованно и другие наши однокашники, даже из числа принципиально непьющих, попросту заходящие в нашу комнату. Как помнится, особенно горячо поддержали такую идею поэты: Олег Кочетков (ныне член редколлегии «Приокских зорь»), Анатолий Кузьмичевский, очень известный тогда, замечательный поэт Николай Тряпкин. Он, приехав по издательским делам в Москву, остановился в гостинице Союза писателей СССР, что занимала два этажа литинститутского общежития, и зашел на огонек к своим землякам-заочникам...

На том и порешили...

* * *

Прошло много лет, можно сказать — прошла вечность, даже живем мы в другом государстве: «без меня меня женили». Но тот давний разговор вспомнился именно сейчас, при формировании этого номера «Приокских зорь», посвященного 200-летию со дня рождения второго классика русской литературы. И отбирая юбилейные материалы, порой и отличающиеся от канонического взгляда — см. рубрику ниже, размышлял: а мое-то отношение к вопросу о связи творчества Гоголя с самоосознанием русской нации изменилось или нет? Тем более, что в новейшие времена были изданы (ведь что-то должно быть положительным?) ранее недоступные «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о божественной литургии», книги о Гоголе и его творчестве, ранее «отсеянные» знаменитой комиссией «Луначарского — Крупской» навроде «Болезни Н. В. Гоголя» известного русского психиатра Владимира Федоровича Чижана (1855—1922). Много чего другого стало достоянием читателей и литературной общественности. Так изменилось? — Нет, честно отвечаю себе, не изменилось, но более того — укрепилось. Значит не зря мы тогда не польстились на Таганку, а пошли на Пушкинскую...

В данном контексте нелишним будет заметить, что сам Гоголь очень интересовался историей и даже несколько самонадеянно, что было в его характере, полагал себя отменным ее знатоком. И даже, добившись соответствующей кафедры в университете, короткое время читал курс всемирной истории, но, полностью «провалившись», оставил это занятие. Но это опять же характеристика Гоголя-человека, но Гоголь-писатель мыслил именно категориями истории. И в этом аспекте его не могла не занимать тема исторического самоосознания русского народа. По законам же психологии творчества все это и преломилось в его литературных и публицистических произведениях. Сразу оговоримся, чтобы уже больше не возвращаться к «самостийной» теме: Гоголь жил во времена, когда «оранжевые революции» в Киеве не могли присниться в самом пьяном сне героев «Вечеров на хуторе близ Диканьки». И для

него Малороссия являлась лишь Юго-Западом России. Потому и Тарас Бульба называет себя и своих бойцов русскими... В противовес, например, Тарасу Шевченко — духовному отцу украинского национализма Нового времени.

А мысля категориями историческими, Николай Васильевич при обширности его интересов, а главное — при характерной для него убежденности в истинности своих убеждений, не мог не задумываться: когда русский народ осознал себя как нацию? Именно не отдельные провидцы, которые имелись и во времена Гостомысла и Рюрика, но мыслящие люди в достаточной полноте, имя которой — общественное мнение.

А теперь, мысленно пробежавшись по строкам всех основных художественных и публицистических произведений Гоголя, попробуем реконструировать размышления писателя в означенном выше аспекте.

Современная ему Россия, Российская империя, то есть Московская Русь — третья Русь после Киевской и Литвы (той, русской, на восток простиравшейся до Оки в Тульской земле, до унии и католичества) — есть государство совсем молодое по историческим меркам. Действительно, только три века минуло с небольшим, как де-юре будущая Россия перестала именоваться Улусом Джучиевым и вышла из состава Золотой Орды. И к началу творческой деятельности Гоголя Европейская Россия, уже и не говоря о гигантской территории между Уралом и границей с Канадой на Аляске, являла собой конгломерат славянских, тюркских, угро-финских, кавказских и пр. народов, связанных в единое государство административно и отчасти торгово-экономически.

Нам, ныне живущим трудно поверить, что еще двести лет назад жители губерний, введенных Петром Первым, по отношению друг к другу, в смысле к жителям другой губернии, на подсознательном уровне испытывали определенную разъединенность этнического характера. И было это не только следствием не столь уж и давней раздробленности по враждующим княжествам, но и более давней генетической памяти, когда они принадлежали различным славянским племенам вятичей, древлян, дреговичей, кривичей и пр. Пишем особо не справляясь с авторитетными источниками — также читал лекции по истории и Гоголь, — но смысл понятен. И это еще не все. Даже в самой русской Центральной России были обширные территории, заселенные не чисто славянскими, но исторически смешанными племенами: это обширная поюкская область, где славянские племена смешались с первоначальниками этих мест — мордовскими племенами эрзя и мокша; это и архангелогородский Север, где совсем недавно были ассимилированы десять тысяч шотландцев, которым царь Алексей Михайлович дал приют и спасение от протестантско-католической резни на их исторической родине.

...И эта неизжитая к началу XIX века разъединенность ощущалась зримо и словесно: «косопузая Рязань», ловкие и переимчивые ярославские мужики, язвительные хитрованы-калужане, хмурые вологодцы, у которых «ножики-засапожники», «тамбовские волки» и так далее.

А собственно-то русская, правильнее — великорусская, нация сложилась очень быстро (сработал диалектический закон перехода количества в качество) и на глазах Николая Васильевича, а именно в эпоху правления Николая Первого, которого нынешний ректор Литинститута Б. Н. Тарасов удачно назвал «рыцарем самодержавия». Действительно, что бы там не говорили о Николае I демократы-разночинцы, пролеткульт и агитпроп, да и нынешние СМИ тоже (здесь полная аналогия со Сталиным), но этот классик самодержавной власти — не своей волей, конечно, но в силу исторических обстоятельств — сумел сформировать всего за тридцать лет своего царствования *русскую нацию* из конгломерата доселе лишь административно и, отчасти, торгово-экономически связанных территорий. Самое существенное, что создал-то именно административными мерами, начав с разгрома декабристов, наивных подвижных пешек формирующегося мирового масонства.

И — от противного, как говорят математики — самым проигрышем Крымской войны в конце своего правления император дал мощнейший стимул для окончательной консолидации русской нации. Остается только добавить, что и великая русская литература — порождение эпохи его правления. Такой вот «пролеткульт» получается...

* * *

Литература есть мера интеллектуализации общества, с одной стороны; с другой — в определенном смысле *vox populi**. Даже без осторожных оговорок можно сказать: до Гоголя русская литература была сугубо дворянской. Уже не говоря о старинном Тредиаковском, масонах Новикове, Радищеве и так далее, включая Фонвизина, Грибоедова, Карамзина, но и у Александра Сергеевича ведь этого *vox populi*, увы, нет. Даже в описании пугачевского восстания; даже в самом названии «бунт» Пушкин оценивает события крестьянской войны, что называется, «со стороны» дворянской. При всем нашем почитании первого гения русской литературы.

Итак и непредвзято: до Гоголя — и даже одновременно с ним — персонажами произведений отечественной литературы были дворяне и пейзажи, как фон. Поэтому можно было говорить о самоосознании только «со стороны» привилегированного класса. Последнее слово употребляем в единственном числе, ибо в отличие от Европы низовое русское духовенство и весь его причт мало чем отличался от массового народа.

И только у Гоголя народ становится главным действующим лицом. Причем не только в «Тарасе Бульбе» и во всем малороссийском цикле его произведений, но и в «Мертвых душах», «Ревизоре», «Петербургских повестях». Естественно, значительная часть персонажей и здесь формально из верхнего сословия, но разве это рафинированная аристократия, разве они близко стояли с Онегиным, Чацким, Печоринным? Худородные питерские и уездные чиновники, мелкие помещики, не выезжающие из своих деревень, предтеча Остапа Бендера (и современных «предпринимателей» тож) жуликоватый Чичиков... — дворяне лишь «по паспорту», тогдашний «средний класс»; опять же аналогия с новейшими российскими реалиями. Итак, это уже не господствующий класс де-факто, а массовая социальная группа, неотделимая от народа. Во всяком случае знаменитая фраза «страшно далеки они от народа» к гоголевским Акакиям Акакиевичам, «мертвoduшникам» и ссорящимся деревенским помещикам никак не относится. По крайней мере в том ракурсе, который избрал Гоголь для создания широкой панорамы показа тогдашней русской жизни: от Диканьки до Петербурга.

И самоосознание русской нации через эту группу есть уже не чисто дворянское самосознание, как то было в литературе до Гоголя, но де-факто народное. И великий наш писатель, несмотря на специфику своего характера и мировосприятия, здесь палку не перегнул. Ведь кто бы ему поверил, вздумай он самоосознание это «поручить» только крепостным крестьянам или уездным мещанам? Он верно и провидчески почувствовал: именно «средний класс» в любом социуме является базовым для самоосознания нации как исторической и/или текущей самостности.

Опять же параллель с современной Россией: даже в этом вопросе, если задуматься и проанализировать, видно: при кажущейся, почти декларативной хаотичности движение социума в последние двадцать лет его очень тонко, выверено и запрограммированно направляют. Куда? — Об этом знают только вполне реальные творцы сегодняшнего мира. Мира глобализма, а может и чего другого. Но для пресловутого *типпа* условной целью ставят капитализм. И чтобы дебилизированный СМИ народ наш самоосознал себя строителем его, хотя бы в нарушении всех законов последовательности смены общественно-экономических формаций, для этого и потребовалось срочно создать этот средний класс. И это не просто уже набившие оскомину «песни о среднем классе» от радио и ТВ, но его вполне реальное формирование; естественно,

* Глас народа (лат.).

за счет остального, без того не жирующего народа. Итак, чрезмерно раздутое чиновничество плюс положенное число среднеклассников от торговли и финансовых спекуляций, да с учетом их ближайших родственников-компатриотов и дают те 10—15 процентов населения, которые и решат требуемую задачу. Кстати, это мы говорим совершенно безотносительно, без «правого» или «левого» уклонов. Просто мы объективны и не задаемся вопросом: кому это нужно?

...Вот это-то гениально понял Гоголь, к творчеству которого мы и возвращаемся, совершив необходимый экскурс в наши времена.

* * *

Определимся с самим понятием самоосознания нации, особо не апеллируя к классикам историко-философской науки. И отмененной ныне политэкономии. Тем более, что читают ныне «толстые» литературные журналы люди поколений, получивших образование в советское время (более молодые поколения читают только кроссворды и собственную чековую книжку...), то есть прекрасно помнящие эти классические определения нации. И заключительным аккордом, торжествующим крещендо формирования ее является процесс самоосознания.

Здесь имеется одна тонкость: самоосознание молодых, динамично растущих наций, обладающих обширной территорией и многочисленным населением; и тот же процесс для малых наций, почти весь исторический период не имевших своей государственности. Последние не следует путать с некоторыми недавно самоопределившимися государствами (не нациями! Не народами!), вовсе ране не угнетенными, но составными, равноправными частями более крупных государств. Увы, это реалии нашего смутного времени; здесь наличествуют и большие политические игры, и искусственно раздуваемый национализм. Отсюда самостийность, незалежность, великие ханства; словом, перефразируя: «у нас, несоветских, особая гордость...». Наконец, есть специфические национальные черты, но современная политкорректность и декларируемая толерантность накладывает на эту тему табу. Тема увлекательна и конспиративна, по вернемся к юбилею.

...И опять Николай Васильевич здесь оказался великим провидцем. Речь идет о той любопытной закономерности, достаточно хорошо известной, которая относится к внешнему антуражу самоосознания больших и малых наций в данном выше определении. Если для последних это, по преимуществу, обретение чувства национальной гордости («гордый имярек», «свободолюбивый имярек», и так далее), не терпящий никакой иронии и вообще любого негатива. Даже добродушного юмора. Это все объяснимо; никакой вины такого народа здесь нет. Противоположный национальный характер, не совсем толерантно заметим мы, присущ большим народам (см. выше), с великим будущим. Декларируемая гордость ему ни к чему; член такого социума уже априори горд принадлежностью к такому народу, но горд подспудно, без манифестации. Более того, он не стыдится признавать и негативные, исторически обусловленные черты национального характера. Резюме: малая нация самоосознает себя через гипертрофированный позитивизм, большая — допускает и признание негативных черт характера.

Вот здесь-то чудесным образом нашли друг друга специфика самоосознания большой, великой нации и меланхоличный, по-русски — желчный, характер Гоголя. Но это, конечно, не его вина, таким он появился на свет. И его талант писателя с возрастом все более приобретал адекватные личному характеру черты.

* * *

Итак, в произведениях Гоголя русская (включая, естественно, и Малороссию) нация самоосознает себя преимущественно со стороны «негатива». Как будто есть на белом свете нации, носительницы абсолютного позитива... Эдакие ангелы во плоти!

Понятно, что в том же «Гарасе Бульбе» и в «Птице тройке», завершающей первый том «Мертвых душ», Николай Васильевич достигает таких высот в поэтизации цельного русского характера, до которых он как далеко иным записным квасным урапатриотам! Но все же явный перекося в похождениях Чичикова и Хлестакова в сторону критическую. Условно срединное положение занимают «Петербургские повести». Еще далеко было до «Братьев Карамазовых», где Достоевский как по полочкам разложил три доминанты русского характера. Труднее было Гоголю, как первым нащупывающему эту тропу. Но получилось ведь великолепно? И на все последующие века русской литературы Николай Васильевич дал «зеленый свет» самоосознанию через показ негероических характеров, но таких типичных!

Не говоря уже о кальке с Чичикова — Остапе Бендере одесских классиков, из Гоголя «вышел» каждый в своей ипостаси, если не каждый второй, то третий-четвертый русский писатель последующих ста лет. Затем был перерыв на соцреализм — при всех его немалых достоинствах и достижениях, но вот уже двадцать лет, как Николай Васильевич в его Чичикове и Хлестакове, а равно и в других агероических персонажах отдыхает... Другое дело, что пока нет Николая Павловича с его знаменитым: «Высек всю Россию, а более всего меня», — который бы заставил в приказном порядке всю чиновную братию заучить наизусть новых «Ревизоров» и принять к исполнению. А заодно и высечь их всех в околотках для твердости памяти. Нелишним будет заметить в данном контексте, что в истории России нашлось лишь два руководителя страны, истинных рачительных хозяев, которые простирали свой государственный интерес на все явления жизни, включая и литературу. И главное — делали оргвыводы для пользы этих интересов. Это Николай Первый и Иосиф Виссарионович. Если для царя такими авторитетами являлись Пушкин и Гоголь, то для генералиссимуса — два Михаила, Шолохов и Булгаков. Более того, здесь имела место и выраженная обратная связь. Прислушиваясь к словам художественной правды, оба «классика самодержавия» умело подправляли и направляли творцов этой правды. Несмотря на происки Александра Христофоровича Бенкендорфа и Пролеткульта, соответственно. Но — это к слову.

И еще одна *nota bene* в данном контексте. Сам Гоголь, как это видно хотя бы из «Выбранных мест», не считал себя выраженным «обличителем» негативных сторон тогдашней жизни страны. Вряд ли он даже задумывался об этом, как истинно талантливым писателем не дисциплинирует себя замыканием в той или иной «специализации». Ярлык же целенаправленного «обличителя существующего строя» ему последовательно навешивали демократические сочинители-разночинцы XIX века, пролеткультовцы с комиссией Луначарского — Крупской и окончательно затвердили учителя советской средней школы. Этот ярлык и по сей день остался. Опять же сработал принцип «без меня меня женили»...

В главе «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» — из книги «Выбранные места...» — говоря о Фонвизине, Гоголь пишет: *«Все в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на русское. А между тем нет ничего в ней карикатурного: все взято живем с природы и проверено знаньем души. Это те неотразимо-страшные идеалы огрубения, до которых может достигнуть только один человек русской земли, а не другого народа».*

Если бы эти слова кто сказал о Гоголе, то была бы еще бóльшая правда.

* * *

Итак, самоосознание нации через показ-подчеркивание негативных черт национального характера — это интуитивное использование Гоголем диалектического закона отрицания отрицания. Тем более, создатель диалектики Гегель как раз в годы творчества писателя входил в «философскую моду». Как человек с широким кругозором и интересующийся всеми новыми европейскими веяниями (зачастую, правда,

несколько поверхностно), Гоголь наверняка был знаком и с философией Гегеля. Хотя в философии для него первенствующим — до начала активных духовно-религиозных исканий истины — являлся Кант. Но чтобы художественными средствами решить такую задачу, нужно быть гением. Только ему это удастся сделать.

Действительно, все последующие попытки «повторить» похождения Чичикова такой сверхзадачи не решали, хотя для своего времени и имели определенный резонанс. Но и только. Выше мы уже проводили параллель с Остапом Бендером. То же самое, но еще в меньшей степени можно сказать о «Москва — Петушки». Заодно вспомним, что моему мурманскому земляку (из города Апатиты) Венедикту Ерофееву недавно исполнилось бы 70 лет, а в самих Петушках на границе Московской и Владимирской областей, вообще-то известным широким массам едоков страны по относительно качественным консервам из речных сортов рыб, к этой дате открылась экспозиция, посвященная писателю.

И явно неспроста тот назвал свою повесть *поэмой*. Но поэма поэме рознь. И если бы не диссидентская, хотя бы и помимо воли и желания автора, предыстория, то Петушки так бы и ассоциировались с лещом с сазаном в томатном соусе... Хотя написана вещь замечательно, по-гоголевски, причем канва Чичикова весьма естественно развивается на фоне «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Проще говоря, *a la delirium tremens*, как художественный прием.

Но все дело-то в том и состоит, что, отправляя Чичикова в губернское путешествие, Гоголь создавал средствами литературы энциклопедию национальных характеров «от противного». Герои же Ильфа с соавтором и Ерофеева изначально заангажированы, лучше сказать — запрограммированы, на конкретную роль. Вот и вся разница, но она напрочь отсекает творческий метод Гоголя от возможных повторений и, тем более, подражаний и стилизаций.

Однако, пора и итоги подводить. Как-то тихо сошли с общественной сцены после ажиотажа 90-х годов и самого начала века нынешнего историки-гипермодернисты Фоменко и Носовский: это которые Куликовскую битву «перенесли» в село Кулиши (ныне центр Москвы), самого Дмитрия Донского перекрестили в хана Тохтамыша, из одного Ивана Грозного сделали подряд царствующих целых шесть царей и так далее. Но при всех разночтениях, возражениях и недоумениях скорее всего заслуживает внимания их исходная посылка к пересмотру русской и вообще мировой истории: историческое время не есть эквивалент времени физического; оно неравномерно и по нашему, современному восприятию слишком отдалено вглубь веков и тысячелетий. Это парадокс психологии мышления человека: близкое лучше видится на расстоянии. На самом деле, в реальности исторические события ближе к нам, чем это кажется. Даже вопреки всевозможным артефактам давних времен. Включая, как метко замечают наши гипермодернисты, и регулярно, особенно при смене династий и общественных формаций, переписываемые летописи и другие памятники письменности.

...Это мы все к тому же: русская нация московского этноса очень молодая. Соответственно, и ее самоосознание относится не к Куликовской битве, не к стоянию на Угре, спустя сто лет, даже не к окончанию Смутного времени и воцарению Михаила Романова. И это самоосознание активно готовили его сын, царь Алексей Михайлович и Петр Первый. Не преминем упомянуть, конечно, и Ивана Грозного (шестерых Иванов по Фоменко и Носовскому...). Но точку в этом долгом процессе поставил 1812-й год. История предельно близка к нам; ведь еще и полных двух веков не минуло! Ведь 200-летие этого судьбоносного для оформления русской нации события мы только через три года будем отмечать — вместе с сочинским спортивно-политическим шоу...

И вовремя — не раньше и не позже — в России появился и проявился гений Гоголя, закрепивший в литературном самовыражении феномен самоосознания русской нации. Причем художественным приемом, который **«может достигнуть только один человек русской земли, а не другого народа»**.

**СОВРЕМЕННОКИ О НИКОЛАЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ГОГОЛЕ:
БИОГРАФИЯ ИЗ СЛОВАРЯ Ф. А. БРОКГАУЗА И И. А. ЕФРОНА**

Гоголь. — 1) *Василий Афанасьевич Гоголь-Яновский*, писатель, сочинял комедии на малор. языке для деревенского театра Д. Пр. Трошинского (бывш. министра), 1822—25, на сюжеты из народн. сказок: «Собака-вівця» и «Простак, или Хитрость женщины, перехитренная солдатом» (1872, 1882, 3-е изд.). — 2) *Николай Васильевич*, 1809—52, сын *Василия Афанасьевича Г.*, знаменитый писатель, род. 19 марта 1809 в м. Сорочинцах, Полт. губ., учился в Нежинск. гимн, в 1821—28. Поступил в 1830 на службу в департ. уделов в СПб. Первые значительные произведения Г. — повести из народн. малоросс. быта: «Вечер накануне Иван Купала» (1829), «Сорочинск. ярмарка» и «Майская ночь». Знакомство с Дельвигом, Жуковским и Плетневым помогает ему в 1831 получить должность учителя истории в Патриотическом инст. Гоголь входит в круг литераторов, во главе которого Пушкин, и под влиянием его расширяет свой умственный горизонт и намечает истинные задачи творчества. В 1831—32 изд. «Вечера на хуторе близ Диканьки», блиставшие тонким юмором, поразившим Пушкина, кот. оценил глубину таланта Г. В 1835 — сб. «Арабески» и «Миргород». В 1834 Гоголь выступил адъюнкт-профессором истории в СПб. унив., но неудачно. К этому же времени относится замысел «Ревизора» (в печати в 1836, но мог быть представлен только по воле имп. Николая I). В 1842 появилась ком. «Женитьба». В 1836 Гоголь уезжает за границу, где написаны были им «Шинель», «Мертвые души» (ч. I, 1842) — широкая по замыслу сатира на русск. чиновничье и помещичье общество 1830-х. Созданные здесь, как в «Ревизоре», художественные образы: Чичиков, Манилов, Ноздрев, Плюшкин, Коробочка, Хлестаков — сделались бессмертными и нарицательными в литературе. В Г. все сильнее развивались пиетическое настроение и мистицизм. В минуту тяжелого раздумья Гоголь сжигает 2-й том «Мертвых душ». Это новое настроение особ. выразилось в «Выбран. местах из переписки с друзьями» (1847), где Г. в пророческом тоне выражал одобрение тому самому обскурантизму, который ранее обличал. Книга вызвала негодование, но от Г. ускользнул общественный смысл полемики против него (письмо Белинского), хотя он смутно чувствовал, что сделал какую-то ошибку; он ищет убежища в религии, посещает Палестину и возвращается в Россию в 1848. В 1851 поселяется в Москве; 21 февраля 1852 скончался, сжегши все бывшие у него бумаги. Гоголь не мыслитель, но гениальный художник, одаренный глубоко проникающею в жизненные явления наблюдательностью и возвышенными стремлениями к идеалу; но недостаток широкого образования помешал ему выработать себе вполне устойчивое мировоззрение в вопросах общественной и политической жизни, и он сделался жертвой тяжелой внутренней борьбы между стремлениями художника и сатирика и порывами мечтателя и мистика. Лучшее полное собр. соч. Г. начато Тихонравовым и окончено Шенроком (7 т.).

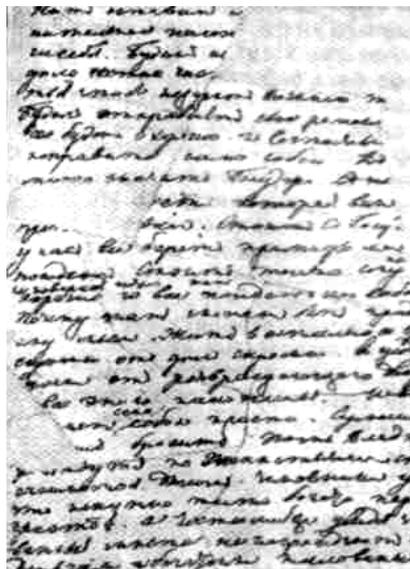
Примечание ред. Сохранены сокращения первоисточника.

Ирина Монахова
(г. Москва)

**ГРАЖДАНСТВО
НЕБЕСНОЕ И ЗЕМНОЕ:
ГОГОЛЬ И БЕЛИНСКИЙ:
ДИАЛОГ ЗАВЕЩАНИЙ***

О знаменитом «зальцбруннском» письме В. Г. Белинского Н. В. Гоголю, написанном в июле 1847 года, А. И. Герцен сказал: «Это — гениальная вещь, да это, кажется, и завещание его». То же, по существу, можно сказать и о книге «Выбранные места из переписки с друзьями», которая вызвала столь яркий отклик критика. Последняя из опубликованных при жизни Гоголя, эта книга тоже стала завещанием. И оба эти произведения потрясли читающую публику своего времени. Оба сочинения воспринимались как крамольные: книга Гоголя — потому что он в ней выступил как проповедник неожиданно для многих, письмо Белинского — потому что было похоже на некий политический манифест. И хотя оно еще долго оставалось неопубликованным, но во множестве списков разошлось по всей России.

А в советское время вообще произошла странная вещь. Письмо Белинского, которое знали даже школьники, по понятным идеологическим причинам было более известным, чем сами «Выбранные места...», о которых в нем шла речь. Этой книги не было ни в каких учебных программах, и пониманием идей Гоголя особенно не утруждались. Считалось, что Гоголь, в конце жизни подпавший под влияние духовенства, стал вдруг реакционером и «мракобесом».

Казалось бы, этот период давно остался в прошлом. Но изменилось ли понимание исторического диалога двух классиков? В основном, нет.

Нередко приходится слышать от просвещенных вроде бы людей повторение штампов почти столетней давности — о Белинском-«революционере» и Гоголе-«мракобесе».

Не был Гоголь мракобесом. Его пристальное внимание к нравственному уровню современного ему общества и шокировавший многих призыв к христианизации жизни, прозвучавший в «Выбранных местах...», — это все означает, что Гоголь на определенном этапе своей жизни решил обратиться к обществу напрямую с религиозной проповедью. А это никак нельзя назвать реакционной позицией. Наоборот, следование религиозным заповедям — это, возможно, и есть самый прямой путь эволюционного развития. Не был и Белинский революционером. Как известно, он довольно прохладно, с разочарованием отнесся к революционным событиям 1848 года во Франции.

Они оба писали об эволюционном развитии общества, правда, руководствуясь при этом разными побудительными мотивами. Белинский — сочувствием к обездоленным слоям населения, а Гоголь — болью за нравственное несовершенство общества в целом, грозящее гибельными последствиями всем.

Более того, они оба, по существу, вели речь о влиянии христианства на жизнь. По мнению Гоголя, влияние религии должно выразиться в смягчении нравов. И тогда лю-

* Перепечатано из «Литературной газеты» (2008, № 42 (6194) от 15—21/X, С. 7) с разрешения редакции «ЛГ»: электронное письмо первого зам. гл. ред. Леонида Колпакова от 05.12.2008 г.

ди, находясь в тех условиях, которые есть сейчас, не дожидаясь внешних перемен, данных сверху властью, сами в силу своего более гуманного, разумного и рационального отношения ко всему смогут изменить многое в жизни. А затем эти внутренние изменения приведут и к изменению внешних форм, но естественно и закономерно.

Белинский противопоставляет этой гоголевской логике уже имеющиеся достижения европейской цивилизации: гражданские свободы, права человека, просвещение, более прогрессивные законы и их выполнение. Это и более гуманно по отношению к людям, и ближе к христианскому идеалу.

Однако Белинский пишет о *результатах* влияния христианства на жизнь народов и ничего не упоминает о процессе, как это было и как это должно быть в России, чтобы достичь подобного состояния дел. Достаточно ли только реформ? Или проблема еще и в низком нравственном уровне человека и, следовательно, общества, что приводит к негативным последствиям и во внешних проявлениях — в социальной, политической, экономической областях?

Что делать с качеством самого человека, если оно оставляет желать лучшего и в таком же негативном направлении влияет на все? Белинский эту проблему как будто вовсе не замечает. Гоголь, в противоположность ему, всецело сосредоточился на решении этого вопроса. И хотя ни тот ни другой не дали полного и исчерпывающего ответа на вопрос о том, как усовершенствовать жизнь российского общества, но все-таки гоголевский подход был более реалистичным.

Действительно, в будущем неоднократно повторялась ситуация, когда общество возлагало много надежд на реформы, надеясь с их помощью решить сразу все проблемы или многие из них. А потом разочаровывалось в результатах этих реформ. Потому что какие бы ни были прогрессивные цели и правильные лозунги, но при их практическом исполнении выступает на первый план качество самих исполнителей, которое наполняет конкретным содержанием абстрактные идеи. А оно зачастую уводит куда-то далеко в сторону от тех лучезарных перспектив, которые поначалу рисовались в мечтах и планах. И в результате получается то, что соответствует не лозунгам и названиям, а качеству (то есть нравственному уровню) человека и общества в целом.

Прежде чем совершить великое дело, нужно «состроиться» внутренне. Это одна из любимых мыслей Гоголя. Это правило он применял в первую очередь к самому себе, но видел его универсальность во всех областях жизни, в том числе и в судьбах людей, и в исторической судьбе российского общества. Он писал в неотправленном письме Белинскому:

«Нужно вспомнить человеку, <что> он вовсе не материальная скотина, <но вы>сокий гражданин высокого небесно<го гра>жданства. Покуда <он хоть ско>лько-нибудь не будет жить жизнью <неб>есного гражданина, до тех пор не <пр>идет в порядок и зе<мное> гражданство».

Как помочь человеку «состроиться»? Как повернуть душу человека к благу, чтобы вследствие этого не было ни уродливых отношений, ни антигуманных законов? Вот какую задачу пытался решить Гоголь в то время, когда он жил, и в тех условиях, в которых находилась тогда Россия.

Одним из таких условий было, в частности, крепостное право. Казалось бы, в этих уродливых отношениях не до нравственного роста. Но Гоголь и в такой ситуации увидел возможность возрождения и развития. Помещик должен стать не просто владельцем богатств и поглотителем чужого труда, а должен сделать из своих крестьян трудолюбивых, зажиточных и высоконравственных людей. А для этого он должен забыть о роскоши, руководить своим хозяйством, помогать разорившимся крестьянам, быть для них судьей, воспитателем, благотворителем и даже проповедником христианства. Словом, жить по принципу: кому много дано, с того много и спрашивается. Эта утопия Гоголя имеет мало отношения к тому, что на самом деле

тогда существовало в России. Только названия здесь прежние: помещик, крепостные. Фактически за эти названия и критиковали Гоголя, в частности Белинский назвал его «проповедником кнута, апостолом невежества».

Утопия Гоголя современникам показалась нелепой и смешной. Но знание дальнейшего хода истории (с убийствами царей, революциями и Гражданской войной, сталинской диктатурой и ГУЛАГом) заставляет иначе посмотреть на утопию Гоголя. И смешной она уже не кажется.

И возникает вопрос: действительно ли Гоголь, заботившийся о христианском преображении человека, написал утопию, или утопией как раз является намерение только лишь экономической или политической реформой преобразовать жизнь и обеспечить эволюционное развитие? И не был ли его подход как раз самым реалистичным и видимый им путь — самым прямым и коротким?

Ведь Гоголь предлагал не идеал навсегда, а путь, который можно начать с любого момента и в любых условиях. Эволюция подразумевает и внешние перемены, вырастающие на основе внутренних. И Гоголь писал о нравственном росте человека не только как о том, что ценно само по себе, но и как о необходимой основе для преобразования общества:

«Общество тогда только поправится, когда всякий частный человек займется собою и будет жить как христианин, служа Богу теми орудиями, какие ему даны, и стараясь иметь доброе влияние на небольшой круг людей, его окружающих. Все придет тогда в порядок, сами собою установятся тогда правильные отношения между людьми, определятся пределы законные всему. И человечество двинется вперед».

Тогда результатом могут быть те достижения, которые были так необходимы России, и образцы которых Белинский видел в западной цивилизации:

«...Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, а в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение».

Справедливые права и законы и строгое их выполнение — это и есть те самые «правильные отношения между людьми» и «пределы законные всему», к которым стремились и Гоголь, и Белинский. Но для Белинского это был лишь положительный пример из чужестранной истории и в основном мечта. Он хотел бы, чтобы подобные отношения сами собою вдруг возникли и в России. А какой путь нужно к этому пройти человеку (обществу) и что должно его двигать на этом пути — именно в сторону смягчения нравов, а не в другую? Однако такой движущей силой является только религия и, не пройдя под ее влиянием необходимого пути, нельзя достичь и желаемого результата, сколько бы ни приходилось мечтать о нем. Но насколько обществом осознана эффективность такого подхода? Насколько оно готово видеть на каждом месте возможность нравственного роста? Или оно, скорее, готово увлекаться другими, более заманчивыми ориентирами, которые при ближайшем рассмотрении как раз и оказываются утопиями?

И напрашивается вывод, что утопичность — это как раз свойство общественного сознания, когда оно стремится определить пути будущего развития общества.

Но для того и дан исторический опыт, чтобы эту утопичность корректировать в более реалистическом направлении. А еще для этого есть и такие образцы публицистического, проповеднического и даже пророческого слова, как «Выбранные места из переписки с друзьями» и письмо Белинского к Гоголю по поводу этой книги. Из них обоих мы должны извлечь урок. Ведь в них речь идет о вечных для России проблемах, решение которых так до сих пор и не найдено.

Виктор Греков
(г. Белев)

АПОСТОЛЬСКОЕ СЛУЖЕНИЕ

Оба они любили путешествовать... И оба предпочитали это занятие другим, более неотложным. Судьба благоволила им в этом желании «проездиться», но и заставляла скакать из конца в конец... необъятной России: Гоголь и Жуковский, несмотря на разницу в возрасте, на роль в литературе, на положение в свете и, наконец, «при дворе», были расточительно добропорядочны и нескончаемо отзывчивы, и редкий из страждущих на их пути не получал от них помощь... Впрочем, и после череды потерь в среде друзей и лучших людей России, и прежде всего, Пушкина, Крылова, поэта-слепца Козлова, они, Жуковский и Гоголь, еще крепче соединяли узы своего братского союза.

Как знать, ужель только лишь дружеское желание посетить родину Жуковского как своего старшего товарища и наставника, привело однажды Гоголя на Оку,— в уездный город Белев, а не ниспосланное ему свыше?

И не фантастика ли это, не мифическая ли случайность, что впервые на провинциальной сцене России был поставлен спектакль по пьесе Гоголя «Ревизор» (где бы Вы думали?) — в Б е л е в е!!! А засвидетельствовал этот факт писатель и критик, профессор Московского университета, редактор журнала «Телескоп» — Николай Иванович Надеждин: «Театр в Белеве! Можете себе представить...»

На самом деле, «Ревизор» Гоголя был поставлен сперва на сцене Мариинского театра, затем и Александринского столичного, в провинции же — в Белеве, на родине Жуковского.

Но, опять-таки, не фантазия ли все это утверждение о театре в Белеве? И когда? — в начале девятнадцатого века!? А зрительский восторг белевской публики по поводу постановки (впервые на провинциальной сцене!) «Ревизора» — и когда? — в 1836 году...

Но вот что, кроме публикаций в том же приснопамятном 1836-м есть хроникальные воспоминания режиссера 20-х годов XX столетия, уважаемого Эльмановича. Оказывается, как он рассказывает, в 1920-ом году были еще целых два старых белевских театра. Один — на Нижней площади города, второй — то есть летний,— на известном бульваре, где торжественно встречали великого земляка Жуковского, сопровождавшего цесаревича, будущего Александра II, в его ознакомительной поездке по России в 1837 году.

По поводу представлений тульской труппы актеров на белевском театре в 1836 году свои исследования опубликовал бывший секретарь Л. Н. Толстого, Валентин Федорович Булгаков (Журнал «Русская литература». Изд. Пушкинского Дома Академии наук СССР. Ленинград., кн. 4, изд. 1959 г.) Гастролировала труппа таким образом нередко, частности под руководством И. А. Турчанинова, а на сей раз публике были представлены 4 оперы, в том числе «Русалка» А. С. Даргомыжского. Иван Александрович Турчанинов, прося дозволения «...открыть в городе Белеве театр», обращался в служебном порядке в высшие инстанции, «...прося тамошнему городничему (то есть, белевскому)» распоряжения на это счет.

В отношениях между Жуковским и,— как бы его подопечным, причем в самом душевном смысле этого слова,— Гоголем, было чрезвычайно немало трогательного, какого-то даже забавного слегка, и в то же время очень и очень обаятельного.

Вот как в своем письме к А. С. Данилевскому Гоголь описывает часы пребывания его в Царском Селе, — без натяжки, памятуя о том, что Николай Васильевич и при жизни классик и поэт от Бога; и невольно ловишь себя на том, что все здесь живо, предметно просто, предсказуемо, без тени вычурности и несколько наивно: «Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы: Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина повесть, октавами писанная: Кухарка, в которой вся Коломна и петербургская природа живая.— Кроме того, сказки русские народные — не то что Руслан и Людмила, но совершенно русские... У Жуковского тоже русские народные сказки...»

То есть, письма Гоголя к адресатам, и Жуковского к нему в частности, много привносят нового, буквально нехрестоматийного, в представления наши об этих безупречных гениях русских, и они, во плоти, становятся ближе нам в их творческом содружестве, а если точнее, то,— в творческом товариществе. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что мы, вольно или невольно, сами становимся для них собеседниками. Чего стоят такие простецкие замечания Гоголя в письме к тому же Данилевскому, когда он в литературском упоении пишущего человека восклицает: «Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый о б ш и р н ы й (разрядка моя,— В. Я. Грек.) поэт и уже чисто русской. Ничего германского и прежнего. А какая бездна новых баллад! Они на днях выйдут!» (Орфография текста того времени сохраняется,— примеч. В. Я. Грек.)

Невозможно избежать искушения в этом отношении, чтобы не поведать, насколько безыскусен и элементарно прост был Гоголь в отношении своего покровителя Жуковского. Прямо-таки подкупает его манера обращаться с просьбами к своему почтенному учителю по столь необходимому попечительству. Подкупает и ангельская бескорыстность оказываемой помощи Гоголю. И (как тут не отойти прочь от хрестоматийности!), — насколько по-юношески наивными кажутся ныне их записки друг к другу,— доподлинное товарищество верных до конца. Подкупающе поразительна простота доверительных просьб, едва ли не воплей с зыванием спасти от безденежья, как от катастрофы.

«Сделайте складку,— просит он Жуковского в абсолютном безденежье,— сложите все те, которые питают ко мне истинное участие, составьте сумму в 4000 р. И дайте мне займы на год». И ведь откликнулся Жуковский, и отыскал нужную сумму, но в счет своего долга пред кредитором, и помог Гоголю, и поддержал морально.

Но вот и не менее трогательное, хотя и совершенно по другому поводу, и уж не из финансовых затруднений, а как бы, метафорически, говоря по существу образа главного героя его «Мертвых душ». Судите сами: и каков стиль, и какова манера общения, и,— (главное то),— как принято было совсем недавно воскликнуть: — каков шарм!: «Скотина Чичиков едва добрался до половины своего странствования. Может быть, оттого, что русскому герою с русским народом нужно быть несравненно увертливей, нежели греческому с греками. Может быть, и оттого, что автору «Мертвых душ» нужно быть гораздо лучше душой, нежели скотина Чичиков». (Говоря о греческом народе, Гоголь апеллирует потому к Жуковскому, что в то время Жуковский работал над переводом «Одиссеи» Гомера.)

(Из письма В. А. Жуковскому, 1849, ПСС, т. XIV, с. 152)

Однако, тем временем, в плоскости нашего разговора о театре, на сцене которого в уездном городке И. А. Турчанинов вдохнул жизнь в спектакль «Ревизор» Гоголя, обра-

тимся вновь к характеру безраздельной преданности друг другу великанов отечественной литературы, Жуковского и Гоголя, порукой творческой дружбы которых было существование Белева. Кстати отметить, религиозный философ и поэт середины XIX века Вл. Соловьев, без тени сомнения утверждал стихотворением «Родина русской поэзии», что этот благодатный и благословенный край в Верховье Оки и есть на самом деле не просто родина Жуковского, но *родина русской поэзии*. Гоголь как раз и акцентирует внимание на более существенном, и даже программном, подходя к разрешению поднятого им вопроса об искусстве вообще **к о н ц е п т у а л ь н о**.

Жуковскому он пишет пространственно, нежели прежде, с волнением, и каким-то даже торжественным, вроде бы даже и не свойственным ему, слогом. Он риторически задается вопросом, именно в стиле этакого завязанного полемиста в критической литературе, и, — о чудо! — на самом деле этот его прием делает письмо и более доверительным, и более энергичным. «Что нас свело неравных годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнейшее обыкновенного родства. Отчего? Оттого, что чувствовали оба святыню искусства.

Не мое дело решить, в какой степени я поэт; знаю только то, что прежде, чем понимать значенье и цель искусства, я уже чувствовал чутьем всей души моей, что оно должно быть свято. И едва ли не со времени этого первого свидания нашего оно уже стало **г л а в н ы м** и первым в моей жизни, а все прочее вторым...»

Видит Бог, я, как автор этих своих скромных замет, нисколько не дал повода тем, что, якобы, привел эти строки к примеру и иллюстрации с пристрастием... Более того, якобы как громогласную декларацию Гоголя. Вовсе нет! Уж кого другого, но Гоголя в этом никто не упрекнет... Но есть одна фраза в другом его письме к своему старшему товарищу, попечителю, покровителю и наставнику, в коем открыто и наглядно проецируется каждой фразой на чистый лист бумаги ясная и искренняя мысль христианина, отдавшего всего себя своему делу, которым одарил его Господь, то есть, **л и т е р а т у р е**.

«Могу сказать,— пишет он Жуковскому, — *что я никогда не жертвовал свету моим талантом*. Никакое развлечение, никакая страсть не в состоянии была на минуту овладеть моею душою и отвлечь меня от обязанности. *Для меня нет жизни вне моей жизни*».

(В.А.Жуковскому, 28 июня 1836, ПСС, т. XI, с. 49.)

Согласитесь, нужна была кристальная чистота души и помыслов при гигантской силе духа подлинных титанов той эпохи, с тем чтобы выполнить предназначенное им свыше, не запятнав ничем своей совести... Хотя, в письме М. П. Погодину Гоголь обронил, пусть и как бы походя, ненароком, без мелочных обид на общество, и, уж тем более, на страну, на любимое Отечество: «Писатель современный,— написал он Михаилу Петровичу Погодину,— писатель комический, писатель нравов должен подалее быть от своей Родины. *Пророку нет славы в отчизне*». Господи, как горько-то при всем при том, не правда ли? Но на то и был призыв Пушкина: «Восстань, пророк, и виждь и вземли, Исполнись волею моей, И обходя моря и земли, Глаголом жги сердца людей»

Упаси нас Бог от деклараций, но порукой к искренности тезис и еще одного, близкого Жуковскому, единомышленника,— а именно Вяземского. Как нельзя лучше соотносится этот его тезис с образом литературского подвига нашего Гоголя, говорит Вяземский о Жуковском. О чем речь? Речь об **а п о с т о л ь с к о м** служении литературе, искусству в целом. «*Не забывай* — пишет Вяземский Жуковскому 21 ноября 1842 года,— что у тебя на Руси есть апостольство и что ты должен проповедовать евангелие правды ...»

Вот какова точка отсчета национального назначения и самого Гоголя. И нет сомнения в том, что он осознавал это, однако (по совестливости и природной скромности) — он же и стеснялся личностного ужасно, и потому поведал о назначении только самым-самым близким.

Ныне, когда «хрестоматийному глянцу» эпохи, избирательно (а не просто разборчиво!!!), подходившей к творчеству и жизни Гоголя, то есть, глянцу той своеобразной «охранной» идеологии, дан решительный «отбой», нам желательно было бы высветить истинные грани служения литератора своему делу.

И как нельзя кстати в этом контексте сугубо концептуальное изречение Гоголя. В письме к Жуковскому (от 29 декабря 1847 г., ПСС, XIV, с. 33—34, 36—38.), он затрагивает сокровенное и для себя и для эпохи. В частности он касается распространённого в обществе понятия о том, что «Искусство есть примиренье с жизнью». И он соглашается, утверждая, — во всяком случае лично для себя: « Это — правда». А далее Гоголь, без обиняков, убедительно заключает: «Искусство есть водворенье в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства. Искусство должно изобразить нам таким образом людей земли нашей, чтобы каждый из нас почувствовал, что это живые люди, созданные и взятые из того же тела, из которого и мы...»

Поразительно, но ведь Н. Г. Чернышевский в фундаментальной своей работе «Эстетическое отношение искусства к действительности» программно заключил: «Истинное определение прекрасного таково: *«прекрасное есть жизнь»*. И далее наш выдающийся мыслитель поясняет: «...прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает; прекрасный предмет — тот предмет, который напоминает ему о жизни».

Насколько все здесь прозрачно, и никакой замудренной вычурности — «прекрасное есть жизнь». Но, господа, а не Гоголь ли как раз и предвосхитил тезис Чернышевского? И прежде всего, конечно же, произведениями своими как в прозе, так и в драматургии? Вот почему все, что нежизненно в поделках якобы в стиле «модерн», то рассыпается во прах и мерзкую пыль в свете яркого и живоносного луча эстетики нашего безупречного Гоголя. Все прочие жалкие потуги вокруг подлинного искусства, — увы! — не выдерживают с позиции Гоголя никакой критики.

Гоголь любим и всегда с нами, какие бы ветры поганых нашествий и подлых набегов на Русь ни дули от старых границ Великой Империи. Охранители святоотеческого, поборники православия, зиждители «Единой и Неделимой» во все времена, традиционные продолжатели изначального в богоспасаемой Родине, — начиная от Андрея Боголюбского, Александра Невского и Дмитрия Донского, — такие как Гоголь, Жуковский и Пушкин... всевозможно оберегали заветное именно служа апостольски. Бессмертный «Тарас Бульба» Гоголя еще вернется к поколению нового века и нового тысячелетия и встанет бойцовски лицом к товарищам-защитникам Земли Русской, и еще прозвучат державно и вместе с тем свято слова богатыря: «Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» (Из повести «Тарас Бульба»).

Тамара Белицкая
(г. Тула)

ГОГОЛЬ И МУЗЫКА

То, что Гоголь великий писатель знали уже его современники. А последующие десятилетия в полной мере выявили степень воздействия его творчества на всю русскую литературу 19 и отчасти 20 веков. «Давно уже не было в мире писателя, который был бы так важен для своего народа, как Гоголь для России» — эта известная фраза Н. Г. Чернышевского навсегда закрепила главенствующее положение писателя, который, наряду с Пушкиным, вывел отечественную литературу за пределы узкого круга русских читателей и сделал ее достоянием всего просвещенного человечества.

Но влияние творчества Гоголя не ограничилось литературой. Другое великое искусство — музыка, вобрала в себя многое, им созданное, и подарила русской культуре адекватные по своим достоинствам шедевры. Однако не надо забывать, что и творчество самого писателя выросло не на пустом месте. Он многому научился у народа, обращаясь к первооснове — к фольклору, к народным преданиям, фантастике, характерам, обрядам, песням. Все эти Панночки, Ганночки, Хиври, Чубы, Параси, Оксаны, Левко — не выдуманные образы, а подсмотренные в самой гуще народной. И рисуются они удивительно ярко, остроумно, зрелищно! Какой благодатный материал для музыкально-сценического воплощения!

А начиналось все с повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки». Известно, что, прочитав их, Пушкин воскликнул: «Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности! А местами, какая поэзия! Какая чувствительность! Поздравляю читателей с истинно веселою книгою!»

Эти повести вызвали к жизни целую вереницу опер — «Черевички» Чайковского, «Сорочинскую ярмарку» Мусоргского, «Майскую ночь» и «Ночь перед рождеством» Римского-Корсакова. Вслед за писателем композиторы обратились в них к фольклорному материалу, который любовно собирали и изучали.

Но создать, а вернее, воссоздать эти сюжеты и характеры в своих повестях писатель не смог бы без природной, тонкой музыкальности. Если добрая фея и не положила свирель в его колыбель, то, конечно, оставила где-то рядом, наполнив его творчество то нежной переливчатостью, то свистящим бичеванием. Об этом его качестве замечательно сказал Валентин Катаев: «Гоголь был музыкален до кончиков ногтей. И этим он, несомненно, был обязан стихии дивной народной украинской песни, под звуки которой засыпал, еще лежа в своей младенческой колыбели, и которая потом всю жизнь звучала в его удивительной, израненной душе». Обратите внимание на то, что песня и танец проникают почти во все его сочинения, поэтизируя и возвышая быт. Позволю себе небольшую цитату из «Майской ночи»:

«...Звонкая песня лилась рекою по улицам села. Было то время, когда утомленные дневными трудами и заботами парубки и девушки шумно собирались в кружок, в блеске чистого вечера выливать свое веселье в звуки, всегда неразлучные с уныньем.

И задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль»...

Песни персонажей вплетаются и в народные обряды (колядование, завивание венков, гадание о суженом), и сливаются со звуками природы (шелест листьев, шорохи ночи, серебристость ночного света). И это придает развитию сюжета и лиричность, и таинственность, и фантастичность, тем более, что фантастика — важная черта повестей Гоголя, тоже идущая от народных преданий, в которых правда легко уживается с вымыслом. А эти особенности гоголевского стиля, наряду с «лирическим разгулом» (по определению Белинского), дают возможность музыке развернуться в полную силу, проявить свои неограниченные возможности.

Гоголевские повести предоставляют много возможностей и для комедийных сцен и ситуаций. И на страницах многих опер оживают живописные картины народной жизни, полные веселого юмора. Комизм Гоголя хорошо ложится на язык музыки, подсказывая ей остроумные, изобразительные приемы. Вспомним, хотя бы, полную комизма сцену Солохи со своими поклонниками в опере Чайковского «Черевички», или Хиври с Поповичем из «Сорочинской ярмарки» Мусоргского.

Менее интересно воплощена в музыке патриотическая тема, воссозданная писателем в повести «Тарас Бульба». К ней обратился в 1890 году украинский композитор Н. В. Лысенко, а ее постановка была осуществлена лишь в 1924 году харьковским оперным театром. Однако музыкальные достоинства оперы и ее сценическое воплощение были значительно ниже художественного уровня первоисточника. И не случайно, что она быстро сошла со сцены и осталась лишь фактом биографии композитора. Достоинно сожаления, что никто из позднейших композиторов 20 века не обратил взор на эту эпическую повесть Гоголя, в которой поднимаются вечные вопросы — свобода и верность, любовь и долг. А линия Андрия и прекрасной шляхтянки по-своему продолжает вечную тему «Ромео и Джульетты» и поднимает этот сюжет до уровня шекспировского накала страстей. Другая опера Холминова «Утопленница» (по Гоголю) тоже не стала заметным событием в истории музыки. А вот критическая, сатирическая направленность творчества писателя весьма достойно отражена в русской музыке прошлого века. Гоголь сам призывал «не сокрывать печальное в жизни, не щадить ничтожества... обнажать страшную, потрясающую тину мелочей, опутавших нашу жизнь... беспощадно разоблачать зло, чтобы все почувствовали, что с ним надобно сражаться и крепкою силою неумолимого резца выставить на народные очи».

Первым, кто обратил внимание на сатиру Гоголя, был Д. Д. Шостакович. Он увидел в гротеске повести «Нос» благодатный материал для осмеяния современного ему мещанства. После премьеры одноименной оперы И. И. Соллертинский писал:

«Несбыточный анекдот о майоре Ковалеве, утеревшем нос, превращен в убийственную сатиру на человеческую пошлость... Музыка разрушает узкоисторические оттенки выведенных типов, обобщает, показывает их живыми, даже — нашими современниками».

И нашими — добавим мы, ибо разящий гоголевский смех бессмертен!

Среди «тысячеголового мещанства», описанного Гоголем в повести «Невский проспект», мы, может быть, и не заметили бы Пифагора Пифагоровича Чертокуцко-го, когда-то служившего в кавалерии и вынужденного уйти в отставку, то ли потому что «он дал кому-то оплеуху, то ли ему дали ее». А вот композитор А. Н. Холминов заметил его колоритную фигуру и создал оперу «Коляска», в которой беспощадно издевается над пошлостью, пустым бахвальством и фанфаронством, прибегая к яркой изобразительности (например, мычание спящего героя, ржание кобылы, громкий смех) и к гротесковой характеристике персонажей средствами танцевальных ритмов.

Известная фраза «все мы вышли из гоголевской «Шинели», приписываемая Дос-

товескому, определяет, как мне кажется, трагедию бесцветной жизни, несостоявшейся личности, ужас невостремленности. Поэтому вполне естественно, что композитор Холминов выбрал жанр монооперы, сосредоточив смысл повести в монологе Башмачникова, гибнущего от своей незащищенности и незначительности. Но, к сожалению, музыка оперы не достигла трагических высот повести Гоголя.

Настоящей сенсацией стала опера Родиона Щедрина «Мертвые души», поставленная на сцене Большого театра в 1977 году. Казалось, композитор взялся за непосильную задачу, стремясь воссоздать в опере многослойный гоголевский роман. К чести Щедрина — он справился с ней блестяще! Эту многослойность романа он проинтонировал в многослойно-полифонической звуковой ткани. Первая интонационная сфера создает мир «мертвых душ», всех этих собакевичей, ноздревых, коробо-чек, плюшкиных, в которых господствует бессердечие, черствость, равнодушие. Однако язык каждого дифференцируется, приобретая, например, у Манилова сладкотомные интонации, у Собакевича — лающие, грубые, у Ноздрева — бесшабашно-удалые.

Вторая интонационная сфера создает образ народа и опирается на народнопесенные истоки. Она утверждает внутреннюю силу, душевную красоту и благородство национального характера и противостоит миру «мертвых душ».

Даже из этого краткого анализа «гоголевских» опер видно, что с его именем в русскую музыку вошли новые идеи, новые художественные задачи, блестяще разработанные композиторами 19 и 20 веков. Гоголевская эстетическая позиция выдвинула перед музыкой и задачу создания правдивого музыкального языка, как обобщенного, так и индивидуализированного.

Чем дальше время отодвигает от нас исполинскую фигуру Николая Васильевича Гоголя, тем яснее становится непреходящее значение его творчества для отечественной культуры. И отмечая 200-летие со дня его рождения, мы всегда должны помнить слова, высеченные на его надгробии: «Правда возвышает язык». Правда Гоголя — это правда времени, правда мысли, чувства и сердца, правда человеческого духа!

Владимир Мирнев
(г. Москва)

МИСТИФИКАЦИИ ГОГОЛЯ

Издавна предполагалось, что человеческая мысль, а равно, выходит, и литературная, построена по единой непрерывно восходящей вертикали совершенствования и достижения все новых духовных вершин. Как ни грустно и как то ни прискорбно констатировать, но литература нашего XX века так и не смогла достигнуть или повторить образцов прошлого. Вероятно, имелись на то причины. Кто осмелится подобное оспаривать? Найдется ли такой человек? Вряд ли. Литература — не просто наиважнейшая функция самовыражения человека. Она отражает духовную ипостась человека, общества и т.д. В том ее сила и в том — слабость. Современные писатели, заядлые материалисты, далеки от мифических творцов прошлого, от подлинного интеллектуализма, они — суть подопытная человеческая общность, полноправным членом которой мог стать до недавнего времени лишь носитель известных черт, как-то: атеизм, коллективизм, всеобщий принцип солидарности и т.п. и т.д. Десятилетиями «общий» порыв превалировал над индивидуальными конвульсиями «отщепенцев общества». Человек воспринимался — как самая малость той субстанции, из которой складывалось высшее и отдельными лицами непостижимое мыслительное действие — безраздельное служение Идее.

И даже смерть во имя Идеи, сработанной в кабинете и за чашкой кофе вождем, генсеком, вменялась обществу и каждому в отдельности — как высшее благо.

Стоило бы определить, откуда и из каких-таких дремучих недр нашей постдействительности появилось именно подобное рвение служить отечеству?

При каких обстоятельствах? В человеке ценилось не его истинное духовное начало, а некий фантом, привнесенный извне. Идея, заключенная в Слово, возвращалась, как возвращаются семена, брошенные в землю. Заземленность восприятия человека — отличительная особенность большевистской идеологии. Человек воспринимался как почва, на которой можно взрастить любую нужную Идею. Конечно, как любил повторять в свое время Наполеон:

«Кто может все сказать, тот может все сделать». Не отсюда ли? Слово, как видите, имело свой смысл, наполнялось действенной энергией. Слово ценилось, ему верили. И умные люди на полную мощь использовали его энергию. Выражение типа: «Почта — самое необходимое народу»; «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация всей страны»; «Кино — наиважнейшее из искусств», — все эти величайшие по «глубине» мысли совсем недавно красовались на видных местах, включая отхожие, и призваны были внедрять в сознание людей определенные стереотипы. Что это? Из каких таких глубин привносилось в наше сознание простое до глумливого идиотизма откровение, что мы, русские, если не полные болваны и дурачки, то уж очень походим на них? Дело в том, что Слово в России даже для простого циничного обывателя имело — абсолютную ценность! И каждый мало-мальски мыслящий разночинец знал об этом. Слово для русского — как для дыхания воздух.

А если Слово, то значит, и литература в общественном российском сознании занимала особое место, играла исключительную роль и имела принципиальное значение в жизни — как самоценность! И умный человек знал то. И очень даже прекрасно ведал про «особое место» в сознании русского человека. Литературные герои, образы в обществе девятнадцатого века — их копировали, им подражали, ценили больше самой жизни! Литературные идеи — наука жизни! Перед обществом ставились вопросы масштабные: «Кто виноват?», «Что делать?» Литературные идеи в то время — моральный и нравственный кодекс русского, создавшего оригинальную православную цивилизацию. В романах и повестях по всей империи судорожно искали ответы на вопросы: как надо правильно жить? И пишущий человек в то благодатное время слыл совестью народной. Сие сказкой звучит по нынешним временам, но это было, было, было. Все литературные портреты, образы, характеры, идеи воспринимались — как натуры живые, таинственные, данные Богом. Слово-то было магическим символом! Если хотите — божественным! «Неученье — тьма, ученье — свет». Возьмите Татьяну Ларину Пушкина или Лизу из «Дворянского гнезда» Тургенева — героини несут свет нравственности, одухотворенности, святость и незыблемость моральных устоев, то, на чем зиждется православие и государственность, Символом того времени стала — книга. Подобный феномен в мировой истории — единственный, уникальный в своем роде, и он принадлежит российскому характеру, выделяет нас среди других народов. В лучшую ли сторону, худшую, судить не нам. Но он внес оригинальный штрих в характер русского человека. Литература воспитала в народе наивную веру в святость Слова. Это внушение во всемогущество Слова имело для российского народа катастрофические последствия, принесшие неисчислимые бедствия, воспитав в нем благодушие, доверчивость. Ни один народ в мире не подвержен такой зависимости от информационного потока, как наш. На гигантских просторах величайшей из империй народ, словно ребенок, воспринимал Слово — как заклинание от всех бед, как единственное, во что можно верить на земле, ибо: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Эти постулаты воспринимались буквально, и прививались народу нашей литературой, исполненной не пером, а совестью народной. Слово и Бог — как равнозначные составляющие некоей праведной Силы, некоего провидения. Слово воспитывало в русском человеке черты характера нам противоположенные по своей природе, в силу особенностей русской жизни. Слово воспитало русского человека подверженным внушаемости, а русская душа слишком воспринимала чужое — как свое. Мысли, чувства, образы — как свое. Мы до сих пор любим повторять вслед за кем-то «отработанные» истины, копировать идеи, характеры; мы вечно плетемся в хвосте Запада, копируем, стыдясь, его образ жизни во всем, но в то же время, как великая нация, претендуем на свою собственную цивилизацию и свой образ жизни. Виною тому — Слово. Внушение Словом. Нам внушили, что мы такие-сякие, плохие, и мы поверили в ложь.

Так гений Гоголя внушил русскому народу, что придуманные им второпях замечательные, хотя и бездуховные, карикатуры на русских людей, им, не знавшим русской жизни и только что приехавшим в столицу России, в «Ревизоре», «Мертвых душах», «Шинели» — это и есть самые что ни на есть реальные русские характеры, из которых состоит многомиллионная православная империя. Не будем утверждать, что сие преднамеренное действие российскими дворянами и мужиками в произведениях писателя и не пахнет, не пахнет там и русским духом, о котором так пекся Пушкин. Скажем: великий лицедей, зная о внушаемости русской души, мистифицировал! Гений мистификатора убедил российских простодушно-наивных людей, что они и есть те самые корбочки, плюшкины, собакевичи, бобчинские-добчинские и — прочие персонажи его знаменитых произведений. Даже разнеслась в то время молва, что сам-де Пушкин «подкинул», мол, Гоголю тему о мертвых душах, а Гоголю пришлось

всего лишь препроводить ее в жизнь. Случайно ли шла играла от имени Пушкина? Восклицание просвещенного императора Николая I: «Над кем смеетесь, над собой смеетесь», — окончательно закрепило в сознании русских людей, что они сами и есть те самые и из тех самых произведений Гоголя. Увы! И тому множество доказательств.

Русские идеи, образы, характеры — они из романов Пушкина. Все! А ставшая крылатой фраза: «Все мы вышли из шинели Гоголя», — лишний раз подтверждает мысль о том, что даже творцы Слова приняли лукавство величайшего мистификатора за свет Истины. К сожалению, эта мистификация внесла разрушающее начало не только в могучую русскую литературу.

Впоследствии Гоголь осознал и ужаснулся содеянному им в российской империи и попытался в «Выбранных местах из переписки с друзьями» исправить чудовищную ошибку. Исправить содеянное и самого себя. Он мученически страдал, плакался перед смертью, призывал кару на свою голову, стремился сжечь свои произведения (и сжег второй том «Мертвых душ»). Он просил прощения у православного люда, места не находил и, достигнув христианского миропонимания, проклял свои деяния на ниве Слова, полагая себя величайшим из грешников. Он понял главную ошибку: он, верный православный, принялся разрушать фундамент обожаемой им империи, в которой добра больше, чем во всем западном мире.

Девятнадцатый век убедил нас в том, что Слово всегда светилось Истиной вечно-го мира, то есть божественным светом. Ибо духовная система Льва Толстого, например, предполагает непременно мораль христианскую. Великий безбожник в своих произведениях следовал христианским заповедям: «Не убий», «Не укради» и т.д. Ибо ничего лучшего пока человечество не придумало. С ярчайшей выразительностью те же самые постулаты утверждаются и Ф.Достоевским, определившим истинный смысл русской души — как путь постижения божественной Истины, носителем которой для него являлся русский человек — богоносец. Откровенное торжество христианских добродетелей. Но «жили» по соседству и другие истины.

Возникновение декабристского феномена в православной России — явление чрезвычайное и до конца неосмысленное. В каждом благонамеренном действии предполагается добрый умысел. В декабристском движении он явно скрывается за завесой слов о прекрасном будущем для народа. Сейчас мы знаем, что такое «прекрасное будущее». Предполагается лишь пустое циничное и заведомо ложное обещание, а дальше... дальше просматривается — материальное торжество победителей. Как то имело место в семнадцатом. Передел собственности — конечный итог любой революционной передраги. Имелась конечная цель и у декабристов — истребить царскую семью до корня, уничтожить самодержавие. Приходишь к мысли, что реально декабристы с их программой истребления царской семьи, с разветвленной сетью осведомителей и соратников в армии есть ничто иное как — заговор террористов. Группа вооруженных высокопоставленных чиновников из высших сословий решила захватить власть, которая так заманчиво-обнаженно лежала в бездействии, как всегда, на российской дороге. В заговор было вовлечено много случайных людей, как то всегда бывает. Но и тут Слово совершило свое дело: кучка террористов впоследствии была мифологизирована тем же самым Словом, превратив их в мучеников, борцов за народное счастье. Позже подобными мифами активно занимался Александр Иванович Герцен, мечтавший стать, несмотря на очевидную скудость таланта, «совестью народной». Он разрабатывал теорию русского социализма и, по выражению большевика Ленина, вплотную подошел к историческому материализму. До сих пор стоит мыслитель у очерченного Лениным предела — ни писатель, ни герой.

Стоило бы помнить: «все люди идут к счастью, но приходят чаще всего к несчастью». Что ни говорите, а «мечта о сладкой жизни, всегда слаще самой жизни».

Общественная мысль в российской империи всегда на равных, как две гнедые в упряжке, неслась вместе с литературной, и по своей сути являлась литературной. Ибо литература угадывала и точно отображала дух народа, его устремления. То есть литературная мысль питала государственную, общественную. Герцен призывал русский народ к восстанию, а вот Чернышевский шел дальше и — призывал к топору, то есть к настоящему террору, а видный юрист Кони оправдывал террор. Диалектическая системы — «призыв — террор — оправдание» — не соответствовали христианским канонам, разрушали духовную систему Пушкина. Кони на суде оправдал террористку Засулич, убившую Петербургского губернатора Трепова. Не мог предположить Гоголь, что его идеи заронят зерно разрушительной ненависти. Ненависть рождала страха который создавал хаос.

Достоевский все это понимал и призывал «смириться гордому человеку». В то же время литературные эскапады Белинского, Герцена и Чернышевского, а впоследствии Писарева и Горького, не вписывались в христианские, православные каноны духа.

Русская литература выстраивалась по классическому образцу духовной системы Пушкина — как вокруг солнца выстраивались планеты. Система Пушкина покоилась на основании, уходящем в древнюю Грецию, Константинополь и русский дух. Духовную систему Пушкина приняли вольно или невольно все русские писатели — Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой, Гончаров, Чехов, все — кроме вскормленного с пера великого поэта — Гоголя. Он прошагал мимо. Хотя как Петр I оформил российскую государственность, так Пушкин оформил и объединил российскую духовную общность.

Литература таила в себе могучие духовные, исторические потоки нации, взращивала общественную мысль и мораль. Но именно там и были замечены впоследствии зерна отрицания, которые зародил Гоголь: надо отрицать все, чтобы отрицать хоть малость. Максим Горький, пожалуй, один из тех, кто свое литературное поприще начал с гоголевского принципа отрицания всех и вся. Своим творчеством он отрицал всю нашу классику, воспевая: «Убей и торжествуй!» Не смирение, не доброту, а силу и жестокость — как способ выживание в волчьем мире людей. Горький отрицал выработанные веками моральные устои. Особенно раздражал Достоевский, ставший мишенью его обличений. Не владея и малой толикой образованности, которой обладали писатели девятнадцатого века, он пустой, но громкой фразой заглушал их голоса, бравировал позой, скоморошествовал: «А вот мы вас!». Он — скорее шаманствующий площадной обличитель, манкировал мастерством: если кто заметит, то подумает, что специально пишу с ошибками! Горький — типичный представитель того, каким не должен быть на Руси писатель. Но он показывал, что каждый смысленный человек мог им стать. Уничижая словом умных людей, выражался вычурно, передразнивая их. Ему во всем следовал поэт Маяковский и менее интересные поэты.

«Золотой век» русской литературы кончался под аккомпанемент бунта, под дикие вопли воинствующих разночинцев. Среди вакханалии всеобщего отрицания моральных постулатов слышался все более торжествующий голос темной души. «Золотой век» требовал образованности, помимо таланта, знаний, даже, если хотите, наследственной культуры слова, а в новом XX веке образованность воспринималась — как лишний груз на ногах «творца».

Слово отступило в тень, предоставив первенство Идее. Неважно как выраженной, главное — во всеуслышанье заявленной. В определенной степени олицетворявший девятнадцатый век англичанин Оскар Уайльд утверждал, что «нет ни нравственных книг, ни безнравственных. Есть книги, хорошо написанные, и есть, плохо написанные. Только». В двадцатом веке в России мало кого интересовало и то, и другое. Главным становилась мораль бунтарей, имя которой — отрицание! Когда все можно!

Горький не снисходил до доказательств. Он — утверждал. Он учил жить по-новому. Вспомним знаменитое, с апломбом утвержденное: «Рожденный ползать летать не может». Или: «Буря, скоро грянет буря!» Он призывал к восстанию. Бунт — главный фактор в умонастроениях двадцатого века. Бунт — как стихия разрушения.

Казалось, православному русскому человеку мало было трудиться, и его торжественно, с поспешностью тащили в полосу губительного разрушения и как бы для счастья же. Разрушать всегда проще, эффективнее, внушительнее его влияние на психику человека, чем медленное строительство. Разрушение удовлетворяет низменные страсти людишек, находящихся не у власти, но стремящихся к таковой. Храм, строившийся несколько столетий, можно разрушить за несколько минут. Подобное восторгалось ненасытные темные души смердяковых, ибо Зло — демонстрация силы. Но Зло торжествует только под прикрытием хаоса. Даже целенаправленное зло — хаос. Оно взращивается при больших беспорядках за короткое время, как взращивается раковая опухоль. Хаос — родная стихия зла. Как только страна опрокидывается в пучину хаоса, зло вопит во всю глотку и требует крови. Кто мог сказать в девятнадцатом веке: «Я люблю смотреть, как умирают дети». Эти кощунственные слова Маяковского невозможно было произнести поэту или простому человеку в прошлом веке даже шепотом. Из Лондона поносил самодержавие болезненно тщеславный Герцен, вкрадчиво призывал к топору Чернышевский, творческую импотентность которого никогда никто не оспаривал, бунтовал, стушевываясь, гордый Тургенев, но никто не решался ошарашить публику российскую подобными омерзительными словами, как то сделал впоследствии Маяковский. Да! Да!

На самом деле человек, ничего не знающий, похож на фанерный шар, который ошибочно принимают за глобус по той простой причине, что он круглый.

Вся западная литература преследовала единственное — создавать яркие, сильные характеры, трагические сцены. Русская же литература в прошлом веке прониклась идеей маленького человека. Маленький человек — чисто христианский символ. Ее подхватил из жизни Пушкин; развил и пустил гулять, смеясь и улюлюкая, Гоголь по российским равнинам. Русская литература на все лады обставляла здание нравственности идеей сострадания к маленькому человеку, сочувствуя, жалея, заставляя умиляться его страданиями. Западная литература и русская — две противоположности. Но обе они имели под собой прочный фундамент нравственности — христианство.

Горький, не осмыслив эти потоки в культуре народов, возвел сильную, атеистическую по вере личность на святой пьедестал христианской морали. И тем — отрицал христианство. Горький опередил нынешних американских деятелей культуры.

Конечно, скрипку создает Страдивари, но драгоценной она становится благодаря Паганини. Нельзя не согласиться с этим. М. Горький всегда страдал одним — желал в глазах читателей выглядеть лучше, нежели был на самом деле, мифологизировал свою жизнь, лгал о ней. Он опутал собственную жизнь ложью, как опутывает паук паутиной свою жертву. Для Горького жизнь была главной жертвой, от которой он много желал — личного счастья, известности, денег и прочее. Но мечта о сладкой жизни всегда, как уже говорилось, слаще самой жизни. Нежный, тончайший лирик Блок понял это раньше других, когда его, в то время первого поэта России, Троцкий, захватив с Лениным власть, назначал в голодную пору революционных страданий своим личным секретарем. Разночинцы, то есть самые настоящие революционные демократы, революционные народники, убедили, что террор — одно из величайших зол на свете. Они взяли в семнадцатом году власть посредством террора. Разве Ленин и вся его команда — не разночинцы, не продолжатели идей Чернышевского? Для разночинцев литература — орудие классовой борьбы за власть, тот же топор Чернышевского. Террор словом — самый гнусный на свете террор. Блок невзлюбил босняка Горького: художник не имеет права бравировать ничтожными страстями. Столбовой

дворянин Бунин со странным вниманием взирал на Горького,— тот же разночинец! Лучшим другом Горького оказался Ленин, который относился к писателю как к подсадной утке для интеллигенции, которую при случае всегда можно вышвырнуть на берег другой жизни.

Вот как обернулась хитроумная мистификация Гоголя. Слово, путешествуя в сознании людей, может разрушить не только одну империю, но и целый земной мир.

Изменился в начале двадцатого века характер и смысл литературы. Ушли в мир иной великие творцы. Их духовные системы — как воплощение совести народной, безусловно, остались. Но в XX веке они в значительной степени оказались не востребуемыми в силу следующих обстоятельств. От Пушкина до Достоевского величайшие духовные системы освящались христианским самосознанием. К власти же в начале двадцатого века пришли братья-разночинцы, все, как один, атеисты, пылавшие жестокостью к России. Они перекроили ее до неузнаваемости, даже имя империи с безгласностью отбросили прочь, заменив его Советским Союзом.

Над некогда великой империей не пролился свет Истины. Мы не в состоянии осмыслить вземных почти богов — Достоевского, Льва Толстого. А если нет способностей осмыслить ими сотворенное, то как же можно хотя бы повторить ими рожденное? Осмысление надо начинать с того естественного обстоятельства, что Достоевский и Толстой не появились сами по себе и вдруг, их гений вырос на российской почве, пропитанной духом того времени, величием дел и творений своих современников, и являются они не просто случайно занесенными зернами и столь же случайно взрожденными и принесшими свои плоды. Они — дети величайшей из эпох России представляют величие народа, мощь и гений общественного сознания

Эпоха родила их, эпоха величия и процветания Российской империи и народа ее. Только великий народ мог взрастить великих творцов. Слоном не может родить барана, дабы не устыдиться его. Эпоха представляет человечеству своих лучших детей, наделив их возможностями духовного покорения человечества. Дух их витает над Россией.

Можно писать романы размером с «Войну и мир». Немалая плеяда писателей жаждала славы, повторяя размерами своих сочинений роман Льва Толстого. Как выяснилось, желания недостаточно, потому что повторять — не означает созидать.

Горький, «буревестник» XX века, в тридцатых годах процветал при сменившемся власти, если учесть, что он получил роскошный особняк с обслуживанием на правительственном уровне на Малой Никитской, в центре столице, навсегда и задарма — от вождя товарища Сталина. Слава Л. Толстого не давала покоя. Но в начале он стал повторять вслед за вождем Сталиным что «если враг не сдается, его уничтожают». Эта мысль отвечала его внутреннему классовому настрою. И только спустя какое-то время Горький продолжил работу над романом «Жизнь Клима Самгина». Этот роман должен был превзойти по размерам «Войну и мир», стать вторым крупным произведением в мире, а «по своему политическому значению он имел право и возможность превзойти все романы мира», о чем впоследствии твердила верная и своя в доску властям пресса. В тридцатые годы слова «буревестника» Горького, как вождя литературы, уже приобрели властное значение. Впервые в истории человечества писатель располагал властью. К нему прислушивались, на него молились. Он учил Андрея Платонова, что тот якобы не умеет писать прозу и наставлял «попробовать» себя в стихах, а Александру Твардовскому он советовал «попробовать» себя в прозе, начиная с рассказов. С его властной руки Федора Достоевского не издавали до шестидесятых годов, объявив творчество писателя вредным для народа. Горький обозначился в своих действиях, как классовый пролетарский писатель. Он объявил себя родоначальником социалистического реализма и занимал вызывающе вождистскую позицию, принимал крутые решения, мог отправить в ссылку, посещал концентрационные

лагеря, своими посещениями оправдывая их существование. Перед ним заискивали прихлебатели от литературы, называя самыми льстивыми эпитетами. Сам товарищ Сталин, ярко демонстрируя отличное знание мировой литературы, заявил на весь мир, что поэма Горького «Девушка и смерть» посильнее «Фауста» Гете. С тридцатых годов он перестал быть в традиционном смысле писателем и определился в рупоры политических игроков. Его до самой смерти подхалимская пресса, ни от кого теперь не таясь, называла гениальным, великим, самым, самым. Его духовные «открытия» использовали молодые трубадуры. Поэт Э. Багрицкий самозабвенно повторял о том, что если он скажет: «Солги!» — солги! Но если скажет: «Убей!» — убей! Что это означало: «Убей во имя идеи!» Вот что означало подобное. Другой трубадур А. Сурков, звал к тотальной ненависти друг к другу, к воспитанию в душе этого «прекрасного понятия ненависти».

Бес — согрешивший ангел. Бесовщина — групповое действо, и она овладела умами писателей, и они, радуясь, торжествовали, «Поднимали целину», перекраивали христианскую мораль наоборот. «Не убий!» — надо одно: «Убей!» «Не солги!» — надо лгать обязательно. И так далее.

Горький окончательно взорвал мост, ту самую связующую нить между веком девятнадцатым и веком двадцатым. Он попытался покончить с литературой прошлого века, когда даже вседержавные венценосцы искали дружбы с писателями, как носителями Истины. Литературный вождь вел себя — как вождь. Он стал изобретать рецепты того, как надо писать в русле не «отвратительно бездуховного прошлого критического», а в духе социалистического реализма. Классовый подход к литературе и искусству торжествовал, «Буревестник» самолично определял развитие всей советской культуры, ее духовные приоритеты, превратив литературу в обыкновеннейшую агитку партии, приравняв с гордостью перо к штыку. В то время страдал за рубежом И. Бунин, играл со своей судьбой в прятки В. Набоков, в полном бессилии изнемогали И. Шмелев, Л. Андреев, А. Куприн, писал уничижительные письма у себя на родине Сталину М. Булгаков, через годы заточен был и нес крест невольника в концентрационных лагерях смертников объявленный «врагом народа» непокорный властям А. Солженицын и т.д. А в саду советской власти не скупилась и щедро раздавали литературные премии, ордена своим верным классовым товарищам, тем, кто возглавлял «передовой отряд советской интеллигенции» — писателям, объявленных теперь «инженерами человеческих душ». Можно перечислить имена тех, кто написав несколько сносных рассказиков, умудрились в «саду советской власти» оборвать все плоды с деревьев, именуемых материальными удобствами — квартиры, дачи, звезды, ордена, премии, ленинские и государственные, назначались советниками по культуре при президенте СССР, членами обкомов, членами ЦК. Литература становилась прибыльной отраслью, огосударствлялась — как земля, как заводы и фабрики. Слово переходило в другое качество. Еще годы поколения советских писателей оглядывались на тень «Буревестника», учившего смотреть на мир сквозь призму очков неистового Виссариона Белинского, которого великий Достоевский с присущей ему откровенностью назвал «самым смрадным явлением в истории русской культуры».

Полное духовное перерождением Слова произошло на наших глазах за короткий двадцатый век. Винить в том не имеет смысла лишь Гоголя.

Мастера литературы, в частности, все тот же насмешник над человечеством Владимир Набоков доказал, что не литература принадлежит человеческому миру, как то имело место в XIX веке, а мир человеческий принадлежит литературе исключительно, как материал, как то случилось в XX веке. Литература имеет свою собственную жизнь, под ее образы подстраиваются с удовольствием люди, отдельные личности, группы людей. Слава Богу, обширный список характеров в бездуховном паноптикуме Н. Гоголя всегда находился рядом, и торопятся по бескрайним просторам все та-

кой же неохватной страны всякие коробочки, плюшкины, собакевичи, бобчинские и добчинские и прочее, прочее, прочее. Извращенная в духовном сознании гением страна была особенно любима и почитаема большевиками и — они любили Россию не реальную, а гоголевскую, обратив ее в орудие классовой ненависти против настоящей. «Золотой век» оставил нам таинственные знаки деяний величайших гениев, дурные и великолепные в своей реальности.

Недаром, как то ни грустно признать, литература XIX века для нас современнее и духовно ближе литературы XX века. Увы!

В наше время все значительно упростилось. Слово стало маской, под которой может скрываться любой плюшкин, бес или живодер, или маньяк, или кто еще пострашнее. И каждый мистификатор умудрится использовать его по своему желанию или назначению. Слово — живая энергия человека, но это не живой организм, и самостоятельно заявлять о себе оно не в состоянии. На гигантских просторах русской равнины так уж случилось, что часто Добро уживается со Злом, и тому не придается большого значения.

Наум Ципис

(г. Бремен, Германия)

ИЗ КНИГИ «ПРИБЛИЖЕНИЕ»*

Учитель, журналист, писатель. Родился на Украине, учился в России, долгие годы жил и работал в Белоруссии. Сейчас живет в Германии.

...Гоголь был известным и, как сказали бы у нас, на Замостье, определяя высшую степень предмета разговора, сильно уважаемым писателем. Масштаб его как литератора тогда уже вполне определился. Другое дело, что избавиться от комплексов, присущих провинциалам — робости, застенчивости, инстинктивного желания ходить «под стеночкой» и быть незаметным, как и стремление к спасительному одиночеству, — от этого он и в своей известности избавиться не смог. А еще и при такой-то, мягко сказавши, не золотого сечения внешности.

Взяв в учет все это, представь такое... (А еще я думаю: как же трудно, до невозможности, было ему договориться с собой, уговорить себя решиться на это. Сумасшествие бросает человека под трамвай. А любовь — ломает его волю и бездумно упрямо противостоит обстоятельствам.) Вот и представь такое.

Гоголь часто бывал в семье графа Вильегорского. Семейство культурное — граф, тот и на виолончели поигрывал, — понимало, кем был их постоянный гость. Соседям говорили в некотором возвышении:

«А к нам сегодня Николай Васильевич заезжал, Гоголь... Опять просил графа поиграть». Не к каждому, значит, заезжает и не всякую виолончель слушает. А гость имел свой тайный и сильно сердечный интерес — дочь выросла в семействе, красавица, умница. Только что не комсомолка.

Без памяти влюбился в нее гений русской прозы, которая, как известно, вся из его «Шинели» выросла. Гений-то гений, а сердце обыкновенное, мужское. Может быть, впервые встретился Гоголь со своей единственной...

Нарочито уверенным и спокойным был голос, когда он сделал предложение своей избраннице. Немая сцена из его «Ревизора», только по другому поводу. То есть как?! Как посмели надеяться? Выскачка из-под какого-то Конотопа! Мама-графиня недоуменно резюмировала: «Николай Васильевич, вы такой умный человек, и как же вы можете предлагать такие глупости?».

Бедная графиня, могла ли она предположить, что ее отказ Гоголю автоматически оставляет имя Вильегорских в истории. Даже отказ. А случись графине ответить согласием... Уже не только фамилия вошла бы в анналы. И знали бы мы с сегодняшней радостью, не только какой флердоранж был на свадебном платье невесты, но и какого цвета был кринолин на ее сиятельстве — теще самого Гоголя. О дальнейших балах и приемах и речи нет. Целый абзац в истории России! Дура, прости Господи! А может, и нет...

Вот и я сомневаюсь: стала ли бы счастлива молодая Вильегорская? Быть женой писателя — судьба нелегкая. А уж ежели муж гений...

* Из книги: Ципис Н. Приближение.— Минск: Издатель А. Н. Варакин, 2007. По просьбе редакции «ПЗ» материал подготовлен Ириной Кедровой (Академия российской литературы. Альманах «Московский Парнас»).

Виктор Пахомов
(г. Тула)

ДИАЛОГ ГРЕШНИКОВ

— Я — Гоголь Николай, ну да, тот самый, грешный
Чьи книги на земле читаются дондесь.
Мир скучный, спору нет, но только не потешный.
Не верилось юнцу, за что и маюсь здесь.
А ведь хотел и мог служить святому делу
И с постригом уйти от мира в монастырь,
Где б мог служить душе — не алчущему телу,
Но не услышан был тогда мной поводырь.
— Как это понимать, в толк не возьму я что-то?
— Написанное мной мне надо было сжечь!
Мир высмеять тогда глупца взяла охота.
Бумагу пожалел, а душу бросил в печь!
— Позвольте возразить, вы как-никак писатель,
А рукописи, всем известно, не горят!
Не зря же держат строй писак несметных рати,
И держится в цене литературный яд!
— Мой грех, мой грех! И впрямь усердствовал без меры,
Ведь под руку толкал лукавый всякий раз.
Отсюда вздор и глум и прочие химеры.
Не мог расслышать я предупреждений глас!
— О, многое стоит за вашими словами!
Я тронут. Жизнь — ничто! Безумье и мираж...
— А вы, любезный, кто? Знакомы ли мы с вами?
— Как, не признали вы? А я — читатель ваш!

Николай Мых-Степняк
(г. Тула)

**ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ
ДВУХ ВЕЛИКИХ НАРОДОВ**

Нет, бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь глубину его настоящей мерзости.

Н. В. Гоголь

В этом году весь цивилизованный мир отмечает 200-летие со дня рождения великого русского писателя Николая Васильевича Гоголя, автора бессмертных произведений «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Ревизор», «Тарас Бульба», «Вий», «Невский проспект», «Мертвые души» и других. Удивительный талант Н. Гоголя проявился в этих столь непохожих друг на друга произведениях по-разному: то поражая читателей богатством языка и колоритностью украинской темы, то увлекая фантастикой петербургских повестей, то вызывая смех в «Ревизоре», «Женитьбе», «Мертвых душах».

Жизнь и творческий путь Гоголя и его трагическая судьба до сих пор представляют собой загадку, которую разгадывает не одно поколение исследователей.

Чтобы понять и полюбить Гоголя, пройдемся по основным вехам его биографии и, отталкиваясь от них, кратко проанализируем основные произведения гениального мастера слова.

Великий русский писатель, которого считают своим два народа — украинский и русский, родился 31 марта 1809 года в семье мелкопоместного дворянина Василия Афанасьевича Гоголя-Яновского, владевшего имением в селе Васильевка Миргородского уезда Полтавской губернии.

Николай был одним из двенадцати детей, рожденных Марьей Ивановной Гоголь, из которых пятеро умерли — кто во младенчестве, кто в отрочестве, а кто в молодости.

Отец Гоголя служил чиновником на Полтавском почтамте, а также управляющим у соседа-вельможи. Умер Василий Афанасьевич в 1825 году, не дожив и до пятидесяти лет.

В 1818 году братья Иван и Николай поступают в Полтавское уездное училище, а затем Николай поступает в Нежинскую гимназию высших наук. В науках Николай не усердствовал, однако его интерес к литературному творчеству проявился уже в гимназические годы. Кроме того, когда в гимназии был устроен театр, Гоголь с увлечением участвовал в постановке спектаклей, рисовал декорации, сам играл. С особым успехом он исполнял роль госпожи Простаковой в «Недоросле» Д. И. Фонвизина.

По табелю о рангах того времени, в котором первый ранг принадлежал канцлеру, Гоголь в 1828 году окончил гимназию с чином чиновника четырнадцатого класса. Дослужился он за всю свою жизнь лишь до восьмого класса — коллежского асессора.

В гимназии Гоголь пробует писать трагедии, поэмы, баллады, сатиры... Но из всего им написанного сохранилась лишь поэма «Ганс Кюхельгартен» (1827 г.), с которой и

приехал некрасивый нескладный юноша в Петербург. В северной столице Гоголь долго не может найти работу, изданная им на собственные деньги поэма не имела успеха.

Успех имела его другая книга «Вечера на хуторе близ Диканьки».

С юности благоговейно любивший Пушкина, Гоголь по примеру пушкинской прозы решает выступить с повестями о том, что он знал и видел с детства. «...Здесь так занимает всех все малороссийское...», — писал он матери еще в апреле 1829 года. Повесть «Вечера на хуторе близ Диканьки» появилась в февральской и мартовской книжках журнала «Отечественные записки» за 1830 год.

Великий Пушкин высоко оценил творчество Гоголя: «Сейчас прочел «Вечера близ Диканьки». Они изумили меня. Вот настоящая веселость, искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия!.. Все это так необыкновенно в нашей нынешней литературе», — писал поэт. «Отрадно вспомнить, — позже подчеркивал Н.Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы», — что первый оценил Гоголя, первый заговорил о нем печатно тот самый человек, который до Гоголя был величайший из наших писателей... Радужным приветом встретил, благословением своим напутствовал Пушкин двадцатилетнего одинокого юношу, который сделался преемником его славы».

Лирический образ Украины, созданный Гоголем в «Вечерах...», навсегда вошел в русскую, да и в целом в европейскую литературу. Восхищенно встретил их появление и молодой, еще мало кому известный критик В. Г. Белинский, которому суждено было сыграть не последнюю роль в жизни Гоголя. Детально анализируя в дальнейшем каждое новое произведение, навязывая общественному мнению свою точку зрения, «неистовый Виссарион» в то же время будет вмешиваться и в личную жизнь писателя, в его взаимоотношения с друзьями и обществом, усложняя и без того серьезный душевный кризис Гоголя.

Уже во второй части «Вечеров...» лирические и героические картины Украины сменяются попытками «изобличительных портретов» обывателей — «существователей», мягкий искрометный юмор постепенно уступает в творчестве Гоголя место безжалостной сатире и едкому сарказму.

Потомок запорожцев, он воспел героические подвиги казачества, своей неповторимой ритмической прозой создал удивительный живописный портрет Украины. И в то же время Гоголь — сын малоизвестного украинского драматурга — всегда мечтал стать русским писателем. Возможно, именно в неприятии его великорусским обществом, в какой-то степени кроется источник его обличительной горькой «русской прозы». Как бы то ни было, сборник его повестей «Вечеров» имел успех.

В 1833—1834 годы Гоголь на перепутье. Он в поисках своего места в жизни. Уже будучи известным писателем, он еще не уверен, что художественная литература — его основное призвание. И, может быть, больше склоняется стать ученым историком: он увлекается историей Украины, задумывает написать «Историю малороссийских казаков» и «Всеобщую историю». Он изучает специальную литературу, летописи, собирает и исследует народные песни, мечтает получить кафедру всеобщей истории в только что учрежденном Киевском университете.

Стать профессором истории в Киевском университете Гоголю не удалось. А «История Малороссии»? Он продолжал работать над ней, перестраивать и перекраивать ее, пока летописные сказы не переплавились в живой, буйно-энергичный образ Тараса Бульбы. Эта могучая фигура сказала, как он понимал старинную жизнь Украины. Больше к работе над историей Украины Гоголь не возвращался.

В 1835 году вышла в свет первая часть сборника «Миргород».

Еще в 1833 году Гоголь задумывает написать комедию, полную «злости, смеха и соли». Сперва это — «Владимир третьей степени», затем «Женихи» (позднее переработанные в «Женитьбу») — обличение провинциальных семейных нравов.

И, наконец, в 1835 году он создает одно из своих величайших произведений — обличительную общественную комедию «Ревизор». 19 апреля 1836 года состоялась премьера комедии в Александринском театре. Каждый ее образ, вплоть до второстепенных, был так выразителен и правдив, что буквально с первого появления на сцене персонажи «Ревизора» стали именами нарицательными. Столичная публика, переполнившая Александринку на премьере, узнала себя и возмутилась. Реакционная критика ополчилась против автора, обвиняя его в клевете — на чиновников, на добропорядочных людей, то есть на общество в целом. Иначе была встречена пьеса в Москве. Тут в спектакле, состоявшемся 25 мая 1836 г., играл цвет Малого театра во главе со Щепкиным (Городничим). Известный критик В. В. Стасов вспоминал: «Вся тогдашняя молодежь была от «Ревизора» в восторге. Мы наизусть повторяли целые сцены». Восторженно откликнулся на премьеру В. Г. Белинский.

Однако атмосфера, сложившаяся вокруг имени Гоголя после выхода в свет «Ревизора», угнетает и раздражает писателя. Не находя в себе силы для открытой борьбы, Гоголь 6 июня 1836 года уезжает из России.

Еще в 1835 году писатель по совету А. Пушкина начинает работу над новой поэмой «Мертвые души». В Швейцарии Гоголь вновь принимается за работу над этим произведением. Интенсивно он работает над «Мертвыми душами» в Париже. Здесь в марте он получает известие о смерти А. Пушкина. «Все наслаждение моей жизни, все мое высшее наслаждение исчезло вместе с ним. Ничего не предпринимал я без совета с ним», — писал Гоголь Плетневу.

Появление в конце мая 1842 года первого тома «Мертвых душ» вновь разделило Россию на два лагеря. Бескомпромиссная сатира Гоголя была встречена злобной хулой реакционной части общества. Яркие реакционеры всячески старались очернить писателя и доказать, что его произведения не имеют ничего общего с русской действительностью. «Друзья» из либерального славянофильского лагеря пытались приглушить обличительное социальное звучание поэмы, уверяя, что Гоголь не стремится создать сатирическое произведение. Белинский же дал другую трактовку «Мертвых душ». Вслед за ним Герцен писал: «...Поэзия Гоголя — это крик ужаса и стыда, который испускает человек, унившийся от пошлой жизни, когда он вдруг замечает в зеркале свое оскотинившееся лицо».

В отличие от героизированного Гоголем украинского народа, народ русский, увиденный им за страшным лицом помещичьей России, — это в большинстве своем либо споенный, деморализованный рабской психологией крепостной, либо те же самые умершие крестьяне, которых скупает Чичиков. Лишь в лирических отступлениях и пейзажах поэмы проступает иная Россия — с ее былинным размахом, с неистребимым стремлением вперед, подобно птице-тройке.

Со школы все мы помним эти вдохновенные, взволнованные строки: «И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Черт побери все!» — его ли душе не любить ее? Ее ли не любить, когда в ней слышится что-то восторженно-чуждое? Кажись, неведомая сила подхватила тебя на крыло к себе, и сам летишь, и все летит: летят версты, летят навстречу купцы на облучках своих кибиток...» И далее: «Не так ли и ты, Русь, как бойкая необгонимая тройка несешься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади».

«...Летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

В 1843 г. в Петербурге вышли «Сочинения» Гоголя в четырех томах, что принесло писателю некоторый доход. На часть этих денег писатель создал Фонд нуждающимся талантливым студентам Петербургского и Московского университетов.

С 1845 г. произведения Гоголя начинают издавать в Европе: на чешском языке из-

даны «Старосветские помещики» и «Нос»; на французском — «Тарас Бульба», «Записки сумасшедшего», «Коляска», «Вий»; через год на немецком — «Мертвые души».

Последнее десятилетие жизни Гоголя ознаменовано как тяжелым душевным кризисом, так и мучительными творческими поисками. Он замышляет в последующих частях «Мертвых душ» показать нравственное перерождение своих героев, нарисовать перспективы возрождения общества и государства. Одновременно писатель работает над новой редакцией «Ревизора».

Утопическая идея «светлой России», во имя которой он начал писать вторую часть поэмы «Мертвые души», видится ему, однако, настолько несостоятельной, что он в июне 1845 года сжигает несколько глав готовой рукописи.

Под влиянием нарастающих религиозных настроений Гоголь снова и снова пытается переосмыслить многие свои произведения. Но его морализаторские потуги встречают отпор со стороны самых близких друзей.

Однако испуганный выводами, которые неизбежно следовали из его лучших произведений, изолировав себя в Европе от передовой русской мысли, поддерживая переписку с ограниченным кругом друзей, Гоголь в январе 1847 года издает книгу «Выбранные места из переписки с друзьями». Новую книгу составили письма, адресованные друзьям-журналистам, писателям, издателям, а также статьи — о Пушкине, Карамзине, о русской поэзии... «Моя душа изнемогла..., я думал, что в книге моей скорее зерно примирения, а не раздора,— писал Гоголь в «Авторской исповеди».— Мне показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе России, что многое изменилось с тех пор, как я в ней не был...» Вернувшись в Россию, Гоголь бесконечно переделывает рукопись «Мертвых душ», но так и не может дописать поэму.

Наконец, в состоянии глубокого разочарования, страха в ночь на 11 февраля 1852 года, за десять дней до смерти, Гоголь сжег второй том «Мертвых душ». Уцелели только письма Пушкина, Жуковского и его личные. Среди бумаг, оставшихся после смерти Гоголя, были обнаружены первые четыре главы черновика второго тома «Мертвых душ» и еще одна глава, не обозначенная номером.

Последние две недели Гоголь ничего не ел, только пил воду, разбавленную красным вином. Умер он 21 февраля (4 марта по новому стилю) 1852 года от истощения. Как рассказывала теща М. Погодина (российского историка и писателя, находившаяся рядом с писателем до самой его кончины в последние минуты он требовал: «Лестницу! Поскорее лестницу...») Куда спешил подняться Гоголь в последние мгновения жизни, мы никогда не узнаем. Все имущество, оставшееся после кончины Гоголя, не считая разной мелочи, составляли шуба, шинель и часы, а также 170 рублей 10 копеек от продажи книг. Истинным богатством великого писателя был его портфель с рукописями.

Еще раз: так в чем же значение литературного наследия, всего творчества Гоголя? Лучше всего на этот вопрос, пожалуй, ответил другой великий писатель, современник Гоголя И. С. Тургенев в статье, которой он откликнулся на смерть Гоголя. «Гоголь умер! — писал он в статье «Письмо из Петербурга».— Какую русскую душу не потрясут эти два слова?... Да, он умер, этот человек, которого мы теперь имеем право, горькое право, данное нам смертью, назвать великим; человек, который своим именем означил эпоху в истории нашей литературы; человек, которым мы гордимся как одной из слав наших! Он умер, пораженный в самом цвете лет, в разгаре сил своих, не окончив начатого, подобно благороднейшим из его предшественников...»

Хорошо сказано.

P.S. Что же касается нас, тульских этнических украинцев, то мы в своих планах наметили ряд мероприятий, чтобы достойно отметить славную дату, связанную с жизнью, творческой деятельностью гения двух великих славянских братских народов.